

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Памятная книжка для нижних чиновъ пѣхоты. — Дѣйствіе турецкаго флота на Дунаѣ, во время русско-турецкой кампаніи 1877 г.

«Памятная Книжка» для нижнихъ чиновъ пѣхоты. Составлена подъ руководствомъ ген.-ад. Черткова. Изданіе пятое. 1877 г.

Книга, заглавіе которой выписано, принадлежитъ къ небольшому числу руководствъ при обученіи нижнихъ чиновъ; а пятое изданіе ея убѣдительно всего говоритъ о той распространенности въ войскахъ, которую она по справедливости вполне заслуживаетъ, какъ одинъ изъ такихъ сборниковъ, чтеніе и знакомство съ которымъ болѣе всего пригодны солдату.

Много дѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ войска наши, въ виду крайняго ограниченія числа грамотныхъ, поступающихъ въ нихъ на службу, стали сами заботиться о распространеніи между нижними чинами грамотности; а между тѣмъ книги, сподручныя солдату и доступныя его пониманію, мы можемъ и до сихъ поръ перечестъ по пальцамъ: такъ ограниченно число ихъ. Оттого выборъ книгъ для солдатскаго чтенія крайне стѣснителенъ и даже лучшія изъ нихъ, какъ, напр., разбираемая нами «Памятная Книжка» и «Солдатская Книжка», покойнаго генерала Леонтьева, не могутъ по многимъ статьямъ читаться нижними чинами безъ руководителей, которые объясняли бы имъ разныя хитрыя слова и выраженія, недоступныя для ихъ пониманія. А такихъ «хитрыхъ» словъ найдется немало въ любомъ изъ сочиненій, специально даже назначенныхъ для чтенія или въ народныхъ школахъ, или въ ротныхъ и полковыхъ учебныхъ командахъ.

Недостатокъ хорошихъ и вполне примѣненныхъ къ пониманію

солдата книгъ, и съ другой стороны обиліе въ нихъ этихъ хитрыхъ словъ—яснѣе всего доказываютъ, какъ трудно составленіе ихъ, и какое терпѣливое вниманіе должно быть положено обучающими при учебныхъ занятіяхъ съ нижними чинами.

Естественно, что это дорогое и вполне необходимое качество не пріобрѣтается сразу, а вырабатывается, и то не у всѣхъ, годами и долгою практикою. Навыкъ въ обученіи, умѣніе принаровиться къ постепенно складывающемуся и развивающемуся пониманію молодого солдата, много облегчаютъ трудную работу обучающаго и самую успешность умственного развитія нижнихъ чиновъ. Но навыкъ этотъ, какъ мы замѣтили, пріобрѣтается практикою и болѣе близкимъ знакомствомъ съ умственными способностями обучающихся; оттого, желая имѣть основательные результаты этого обученія съ самаго начала службы солдата, вполне необходимо прежде всего позаботиться, чтобы оно попало въ умѣлыя и опытыя руки, а этого можно достигнуть только тогда, когда первоначальное обученіе новобранцевъ поручается не младшимъ офицерамъ, а ротнымъ командирамъ.

Правило это практикуется нѣсколько лѣтъ въ войскахъ Виленскаго военного округа, и постоянно приноситъ вполне удовлетворительные результаты. Дѣло въ томъ, что ротный командиръ всегда опытнѣе младшаго офицера; привычка къ обращенію съ нижними чинами въ немъ тоже значительнѣе; а въ самыхъ занятіяхъ съ ними больше спокойствія, терпѣнія и навыка. Принимая на свое попеченіе новобранцевъ, имѣя ихъ постоянно на своихъ глазахъ, ротный командиръ получаетъ полную возможность узнать каждаго изъ нихъ не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніяхъ, и такимъ образомъ подготовить для себя въ будущемъ почти безошибочный выборъ учителей и унтеръ-офицеровъ. И если принять, что послѣдующая успешность образованія солдата вполне зависитъ отъ первоначальной его подготовки, что именно на ней сказывается и отражается вся служба его, то, конечно, нельзя не позаботиться, чтобы эта подготовка явилась вполне обстоятельною и надежною, чтобы, слѣдовательно, и тѣ лица, на которыхъ возлагается эта трудная и докучливая работа, вполне удовлетворяли своему назначенію.

Замѣчаніе, что ротной командиръ, спеціально занимаясь съ новобранцами, не можетъ уже достаточно слѣдить за образованіемъ остальныхъ нижнихъ чиновъ, хотя и представляется правильнымъ, но только до известной степени. По окончаніи перваго года службы новобранцы относительно своего обученія присоединяются къ старослужащимъ и, получивши основательное начало, могутъ безъ всякаго ущерба

успѣшности въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ продолжать его подъ руководствомъ младшаго офицера, такъ какъ, повторимъ опять, самое важное въ этомъ дѣлѣ—начальное время обученія. Къ тому же, ротный командиръ, занимаясь съ молодыми солдатами, не лишень возможности наблюдать за ходомъ образованія остальныхъ людей роты, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы слѣдить за правильнымъ его направлениемъ и судить о степени его успѣшности въ зимній періодъ времени, а съ началомъ весеннихъ занятій оканчивается уже подготовленіе новобранцевъ, слѣдовательно и ротный командиръ всецѣло возвращается къ занятіямъ со всѣми нижними чинами роты.

Въ помощь ротному командиру при обученіи новобранцевъ обыкновенно назначается нѣсколько учителей. Занятія обязательно производятся изустно. Ротный командиръ *своими словами* объясняетъ значеніе тѣхъ или другихъ предметовъ, и чѣмъ проще и понятнѣе его объясненіе, тѣмъ успѣшнѣе оно усваивается молодыми солдатами. Учителя, въ этомъ случаѣ, только помощники ротнаго командира: они, тоже своими словами, разъясняютъ своимъ ученикамъ то, что они не вполне поняли, или что ускользнуло изъ ихъ памяти; они, вмѣстѣ съ тѣмъ, помогаютъ новобранцамъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ новой для нихъ жизни. Это лучшіе и болѣе способные люди изъ всей роты, которые тоже особенно готовятъ къ своимъ обязанностямъ и особливо испытываются потому передъ началомъ поступленія въ полки новобранцевъ.

Какъ ни правильно и ни систематично подобное начало молодыхъ солдатъ, все же оно не можетъ производиться только изустно, на память. Необходимо, чтобы свѣдѣнія, передаваемые ротнымъ командиромъ, грамотный молодой солдатъ могъ прочесть въ какомъ нибудь руководствѣ, а неграмотный услышать это чтеніе или отъ своего же товарища, или отъ учителя, такъ какъ подобныя занятія еще прочнѣе укрѣпляютъ въ его памяти все то, что онъ слышалъ отъ ротнаго командира, и какъ, съ другой стороны, ротный командиръ не имѣетъ времени ежедневно повторять рассказанное, а долженъ подвигаться впередъ, при передачѣ различныхъ свѣдѣній.

Повторенія эти обыкновенно дѣлаются учителями; ротный же командиръ только повѣряетъ правильно ли они производятся, и убѣждаетъ, съ достаточною ли ясностію усвоены сообщенныя имъ познанія.

Къ сожалѣнію, какъ ни простъ, повидимому, подобный механизмъ обученія, но онъ весьма нерѣдко затрудняется особенно охотою нижнихъ чиновъ къ заучиванію рассказаннаго наизусть именно изъ тѣхъ книгъ, которыя приняты въ руководство. Дѣлается это,

вѣроятно, оттого, что человѣку, непривычному къ умственной работѣ, легче заучить готовое, чѣмъ добраться до него своимъ собственнымъ мышленіемъ. Заставить соображать и думать,—это самое существенное, но и самое трудное дѣло для обучающаго. А между тѣмъ именно это дѣло парализуется тѣмъ готовымъ матеріаломъ, который и учитель и обучающійся по привычкѣ перваго берутъ изъ книги, берутъ къ тому же на слово, механически заучивая совершенно такъ, какъ напечатано въ руководствѣ, а напечатано-то оно сплошь и рядомъ крайне неопредѣленно.

Отсюда, полная необходимость такихъ руководствъ, которыя, заключая въ себѣ всѣ свѣдѣнія, нужныя солдату, были бы изложены такъ просто и такъ понятно, какъ только можно это исполнить самому опытному знатоку этого нелегкаго дѣла, умѣющему, кромѣ того, обойти тѣ выраженія, которыя не могутъ быть понятны грамотному солдату.

«Памятная Книжка» для нижнихъ чиновъ, съ которою мы уже нѣсколько разъ знакомили читателей «Военнаго Сборника», составлена въ этомъ отношеніи весьма удовлетворительно; но все еще оставляетъ желать многого касательно ясности, полноты и опредѣленности въ характеристикѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Для примѣра разберемъ опредѣленіе знамени:

«Знамя—это воинская святыня. Подъ знаменемъ даютъ присягу въ вѣрности, подъ знаменемъ же вѣрные воины собираются и идутъ въ бой со врагомъ», читаемъ въ «Памятной Книжкѣ»: «На знамени три изображенія» и т. д.

Сдѣланная нами выписка, по нашему убѣжденію, не представляетъ никакого яснаго опредѣленія знамени; кромѣ того, во многомъ отличается неточностію.

Намъ часто приходится говорить съ новобранцами, и вотъ что мы недавно по этому поводу услышали, когда на вопросъ: что такое знамя? получили буквальный отвѣтъ, только что приведенный нами:

— «Ты присягалъ подъ знаменемъ?»

— «Никакъ нѣтъ; знамени тогда не было».

Значить, замѣтимъ отъ себя, не всѣ даютъ присягу въ вѣрности подъ знаменемъ; а если не всѣ, то слѣдовало бы или оговорить, кто именно приноситъ присягу при знамени, или не упоминать вовсе объ этомъ.

— «Видѣлъ ты знамя?»

— «Точно такъ; видѣлъ».

— «Развѣ ты на войнѣ былъ? Вѣдь тутъ ты сказалъ, что подъ знаменемъ вѣрные воины собираются въ бой со врагомъ. Вѣдь ты не собирався въ бой, когда знамя видѣлъ?»

— «Точно такъ: не собирався; а знамя видѣлъ на парадѣ, въ Крещенье».

— «Значить знамя выносятся не только тогда, когда собираются идти въ бой; но и при другихъ случаяхъ».

Умный молодой солдатикъ подумалъ и отвѣтилъ:

— «Должно быть такъ, когда я его все-таки видѣлъ»... «а впрочемъ», добавилъ онъ помолчавши, «*не могу знать доподлинно*».

И дѣйствительно, изъ вышесказаннаго нами опредѣленія знамени онъ не могъ узнать доподлинно, что такое знамя и въ какихъ случаяхъ оно бываетъ при полку, хотя именно подобныя объясненія и свѣдѣнія только и могутъ разъяснить молодому солдату всю святость знамени.

Точно также неправильно и неточно и послѣдующее затѣмъ выраженіе: «на знамени три изображенія», и далѣе: «знамя прикрѣпляется къ древцу». Названныя изображенія помѣщаются не на знамени, а на знаменномъ полотнѣ, которое опять (а вовсе не знамя) прикрѣпляется къ древцу. Знамя—понятіе общее; полотно же и древко—составныя части знамени. Извѣстно, что на старыхъ знаменахъ полотно обивается, приходитъ въ ветхость; а знамя все-таки остается въ отдѣльной части; но на немъ уже невозможно встрѣтить тѣхъ трехъ изображеній, о которыхъ упомянуто въ «Памятной книжкѣ», что они находятся именно на знамени. Эти-то неправильности объясненій и ведутъ за собою отвѣты: «*не могу знать доподлинно*».

Есть еще одно, болѣе трудное для пониманія солдата опредѣленіе знамени: «знамя есть *священная хоругвь*, подъ которою собираются храбрые воины», и т. д. На вопросъ: что такое хоругвь? новобранецъ обыкновенно отмалчивается, вовсе не умѣя объяснить этого, и только развѣ самый смысленный отвѣтитъ: «образъ».

— «Какой же это образъ?» спросишь его.

— «Такой же, какъ въ церкви».

— «Да вѣдь въ церковныхъ образахъ пишется изображеніе святаго; а на знамени развѣ есть такое же изображеніе?»

— «Никакъ нѣтъ; а только хоругви мы въ церквахъ видали».

И опять приходится объяснять разницу между этою хоругвюю и знаменемъ, и опять молодая голова новобранца туманится отъ неразрѣшимыхъ вопросовъ: какъ же это такъ? Начальство говоритъ одно, а въ книжкѣ напечатано другое... Вѣра въ книжку начинается коле-

баться и пропадать; а между тѣмъ книжка эта все-таки вполнѣ пригодное руководство при обученіи солдата.

Потому-то мы и обращаемъ такое вниманіе на «Памятную Книжку» для нижнихъ чиновъ пѣхоты, желая съ своей стороны, чтобы слѣдующее изданіе ея было очищено отъ неправильныхъ и неточныхъ опредѣленій, не помогающихъ, а сбивающихъ пониманіе ихъ солдатомъ.

Точно также неправильнымъ мы считаемъ въ статьѣ о дисциплинѣ (стр. 7—11) помѣщеніе разныхъ указаній, относящихся скорѣе къ «правиламъ отданія воинской чести», чѣмъ къ дисциплинѣ.

Въ статьѣ «внутренняя служба въ ротѣ», излагаются весьма обстоятельно обязанности каждаго нижняго чина, и между прочимъ сказано: «Кромѣ того, каждому *исправному* солдату слѣдуетъ завести варежки и носовые платки, а при казарменномъ расположеніи—одѣяло и не менѣе двухъ наволочекъ и двухъ простынь».

Остановимся болѣе подробно на этихъ совѣтахъ, имѣющихъ, по нашему убѣжденію, громадное вліяніе на сбереженіе здоровья солдата, и въ виду этого прежде всего замѣтимъ, что все здѣсь назначенное положительно необходимо завести не только *исправному*, какъ говорится въ «Памятной Книжкѣ», но всякому солдату, и не только при казарменномъ расположеніи, но и во всѣхъ остальныхъ способахъ его размѣщенія, и что всѣ эти способы слѣдовало бы принять во вниманіе при составленіи «Памятной Книжки». Извѣстно, что солдатъ на заведеніе этихъ предметовъ не получаетъ никакого отпуска; а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, *въ особенности наволочки и простыни*, оказываются вещами первой необходимости.

Внимательныя наблюденія военныхъ врачей указываютъ, что одною изъ весьма распространенныхъ причинъ глазныхъ болѣзней у нижнихъ чиновъ, нерѣдко принимающихъ эпидемическій характеръ, служитъ отсутствіе наволочекъ и невозможность, вслѣдствіе этого, мѣнять ту верхнюю оболочку подушки, въ которую набивается солома. Грязное изголовье, какъ и грязный мѣшокъ на тюфякѣ, способствуютъ развитію не только сыпей на лицѣ и тѣлѣ, но и глазныхъ болѣзней.

Оттого, заботясь о солдатѣ, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на его постельныя принадлежности, не рассчитывая вовсе на то: исправенъ онъ, или не исправенъ, и можетъ ли завести ихъ на собственный счетъ. Если въ крайнемъ случаѣ одѣяло есть уже нѣкоторая роскошь, то наволочки и простыни, или по крайней мѣрѣ другой экземпляръ тюфячнаго мѣшка надо считать предметами самой насущной необходимости для солдата, безразлично отъ способовъ его размѣ-

щенія. А такъ какъ нижніе чины, при поступленіи на службу, обыкновенно не приносятъ съ собою ни наволочекъ, ни мѣшковъ, то дѣло начальниковъ отдѣльныхъ частей озаботиться снабженіемъ ихъ этими предметами, не останавливаясь ни передъ какими расходами. Говоримъ это по опыту и тѣмъ настоятельнѣе, что сами весьма недавно испытали полную возможность подобнаго снабженія и знаемъ, что съ устройствомъ его и заведеніемъ обильнаго числа рукомошниковъ въ лагерномъ и казарменномъ расположеніи нижнихъ чиновъ, свирѣпствовавшая прежде глазная болѣзнь не только значительно ослабѣла, но и уменьшилась въ поразительной степени.

Точно такъ же и тоже на основаніи личнаго опыта считаемъ необходимымъ заведеніе для нижнихъ чиновъ фуфаякъ изъ верблюжьяго сукна, которыя гораздо прочнѣ тканыхъ изъ шерсти, если не на весь наличный составъ ротъ и командъ, то хотя бы на половину состава, съ тѣмъ, чтобы фуфайки эти выдавались нижнимъ чинамъ въ холодное время, при нарядѣ ихъ на наружную службу, и составляли такимъ образомъ собственность не солдата, а полка. Практикуя этотъ способъ, легко избѣгать многихъ простудныхъ болѣзней, переходящихъ при молодомъ составѣ нашей арміи сплошь и рядомъ въ болѣе опасныя и трудноизлечиваемыя формы.

По части вымытаго бѣлья замѣтимъ, что его не только не слѣдуетъ сушить въ покаяхъ, но еще болѣе не класть, для просушки, подъ себя, что часто дѣлается нижними чинами, въ особенности при отсутствіи особо отведенныхъ мѣстъ для развѣшиванія мокраго бѣлья.

Къ обязанностямъ начальствующихъ нижнихъ чиновъ мы желали бы видѣть присоединенными еще нѣкоторыя, какъ, на примѣръ, заботу объ умственномъ и нравственномъ развитіи солдата, о поддержаніи имъ сношеній съ оставшимися на родинѣ семействами и родными, о такомъ обращеніи съ ними, которое помимо настойчивости въ требованіяхъ, о чемъ упоминается въ «Памятной Книжкѣ», не переходило бы за предѣлы строгости и не допускало бы ни пинковъ, ни побоевъ и вообще ручной расправы, что, однако, до сихъ поръ иногда прорывается.

Обучая солдата, начальствующій нижній чинъ долженъ терпѣливо относиться къ дѣлаемымъ ошибкамъ, и не только умѣть показать требуемое, но указать: въ чемъ состоитъ ошибка, и указать это не руками только, а растолковать словесно.

Извѣстно, что начальствующіе нижніе чины самые близкіе люди къ солдату, что въ силу этого, отъ поведенія ихъ много зависитъ солдатское житіе во всѣхъ отношеніяхъ, что, съ другой стороны, нашъ

солдаты не только не охотник жаловаться, но терпѣливъ до безконечности, оттого командиры ротъ и отдѣльных частей еще пристальнѣе должны присматриваться къ тѣмъ служебнымъ отношеніямъ унтеръ-офицеровъ съ своимъ подчиненнымъ, которыя узнаются только при самомъ полномъ вниманіи и наблюдательности. Далѣе, объясняя особенныя обязанности начальниковъ, «Памятная Книжка» называется младшаго унтеръ-офицера «отдѣленнымъ начальникомъ». Намъ кажется, что и тутъ необходимо быть послѣдовательнымъ въ терминологіи. Если у насъ принято всѣхъ начальствующихъ лицъ называть командирами, то отчего бы не придать и этому унтеръ-офицеру названія *командира* отдѣленія, а не начальника; вѣдь, идя выше, мы найдемъ командировъ взводовъ, полуротъ, ротъ, баталіоновъ, полковъ, бригадъ, корпусовъ...

«Поясной ремень», сказано въ «Памятной Книжкѣ» (стр. 141), долженъ на столько плотно прилегать къ тѣлу, чтобы не дѣлать складокъ на мундирѣ». Объясненіе это вѣрно только въ томъ случаѣ, когда мундиръ шить съ талією; если же онъ безъ таліи, то этого условія достигнуть нельзя.

Пригонку ранца слѣдовало бы объяснить подробнѣе, имѣя въ виду, что не только рядовые, но и многіе унтеръ-офицеры не знаютъ правилъ этой пригонки, а между тѣмъ, сдѣланная хорошо и ловко она много облегчаетъ солдату эту тяжелую ношу.

При пригонкѣ ранца обыкновенно соблюдаются слѣдующія условія: ранецъ долженъ лежать вдоль спины и верхнимъ краемъ равняться съ плечами; ранцевые ремни должны плотно прилегать къ груди и подхватками задѣваться за поясной ремень, между усиковъ патронныхъ сумъ. Нагрудный (поперечный) ремень въ войскахъ, не имѣющихъ лацкановъ, слѣдуетъ пригонять между 2-ю и 3-ю пуговицами мундира; въ войскахъ же, имѣющихъ лацкана, на два вершка отъ нижняго края воротника (по срединѣ груди). Ремень этотъ имѣетъ назначеніе, чтобы ранцевые ремни не расходились въ стороны и пригоняется свободно. Ранецъ, вися на ранцевыхъ ремняхъ, придерживается боковыми ремнями, пригоняемымъ отъ мышекъ на четыре пальца (1½ вершка). Точно также слѣдовало бы объяснить пригонку у фельдфебелей и музыкантовъ револьверныхъ шнуровъ, чушекъ (кожаныхъ чехловъ) и патронташей, такъ какъ эти предметы одинаково принадлежатъ къ числу амуниціи вещей.

Минуя затѣмъ всѣ послѣдующія статьи, изложенныя ясно и вполне основательно, замѣтимъ, что въ новомъ изданіи сдѣлано весьма полезное добавленіе объ окопахъ для пѣхоты. Затѣмъ обратимъ вни-

маніе составителей на неточность объясненія въ военно-уголовныхъ законахъ «преступленія». «Преступленіемъ *или* проступкомъ», сказано тамъ, «называется всякое *дѣланіе*, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія». Намъ кажется, что подчеркнутое нами «*или*», не слѣдовало бы употреблять въ данномъ случаѣ, ибо преступленіе и проступокъ—два совершенно различныхъ понятія, а слово: «дѣланіе» непонятно солдату.

Статья о сбереженіи здоровья солдата тоже добавлена въ настоящемъ изданіи «Памятной Книжки»; но въ ней мы желали бы видѣть нѣкоторыя измѣненія, состоящія въ помѣщеніи такихъ свѣдѣній, которыя мало извѣстны солдату, и, наоборотъ, въ опущеніи такихъ изъ нихъ, которыя солдатъ и безъ того хорошо знаетъ, какъ, напримѣръ, признаки хорошей муки, изъ чего готовится ржаной хлѣбъ и т. д.

Вмѣсто нихъ было бы полезна указать, какъ готовить хорошую квасъ, приложивши рецептъ для него и объяснивши, что квасъ не слѣдуетъ разбавлять холодною водою или пить очень кислый.

Равнымъ образомъ, имѣя въ виду, что законъ дозволяетъ приемъ затхлой, слежавшейся муки, необходимо разъяснить: какъ подобная мука сдобривается передъ приготовленіемъ изъ нея хлѣба, такъ какъ подобныя свѣдѣнія всегда на практикѣ пригодятся нижнимъ чинамъ.

Сдобриваніе это передъ печеніемъ хлѣба производится слѣдующимъ порядкомъ: предварительно заквашивается свѣжая мука въ опредѣленной для смѣшенія пропорціи (примѣрно, два куля свѣжей и одинъ затхлой) и потомъ уже, когда заквашенное тѣсто приходитъ въ броженіе, прибавляется къ нему хорошо перемѣшанная лежалая или затхлая мука. Послѣ этого, во время вторичнаго броженія, необходимо, чтобы хлѣбопекъ постоянно и въ нѣсколькихъ мѣстахъ, до совершеннаго закисанія, дѣлалъ мѣшалкою въ тѣстѣ отверстія, чрезъ которыя могла бы выходить затхлость вмѣстѣ съ угольною кислотою, образующеюся при закисаніи тѣста.

При такомъ способѣ, хлѣбъ выйдетъ безъ всякой затхлости. Наоборотъ, если прежде будетъ заквашена затхлая мука, а потомъ прибавится къ ней свѣжая, то хлѣбъ сохранитъ затхлость и весьма кислый кусъ.

Однимъ изъ главныхъ правилъ для избѣжанія сырости и лучшаго провѣтриванія палатокъ во время лагернаго расположенія слѣдуетъ установить, чтобы дно земли не углублялось, а палатка ставилась на поверхности ея, о чемъ не упомянуто въ «Памятной Книжкѣ».

Хорошо также приказать свободное въ палаткахъ пространство вы-

мостить камнемъ, или досками, для избѣжанія грязи въ нихъ во время дождей.

Но самымъ важнымъ условіемъ при расположеніи въ лагерѣ мы считаемъ обильное снабженіе ротъ большими, въ восемь или десять крановъ, умывальниками, устраиваемыми по близости солдатскихъ палатокъ; только тогда нижніе чины не затруднятся умываться по нѣсколько разъ въ день, послѣ каждаго ученья и другихъ служебныхъ занятій, и только тогда можно быть покойнымъ, что между ними не разовьется глазная болѣзнь, нерѣдкое слѣдствіе пыли и неопрятности.

Вотъ все, что мы нашли нужнымъ сказать по поводу новаго изданія «Памятной Книжки», изданія, вполне пригоднаго и полезнаго въ дѣлѣ умственнаго развитія и образованія нижнихъ чиновъ.

П. Брантъ.

Die Operationen der kaiserlich-türkischen Flotte auf der Donau, während des türkisch-russischen Feldzuges im Jahre 1877. Von k. k. Fregatten-Capitän Heinrich Buchta (Дѣйствія турецкаго флота на Дунаѣ во время русско-турецкой кампаніи 1877 г. — Соч. австрійской службы фрегата-капитана Генриха Бухты).

Статья эта, помѣщенная во второмъ выпускѣ журнала «Organ der militär-wissenschaftlicher Vereine» за 1878 г., заключаетъ въ себѣ интересный очеркъ дѣйствій турецкой дунайской флотиліи въ началѣ послѣдней войны, съ указаніемъ причинъ, почему флотилія эта, имѣвшая возможность при открытіи военныхъ дѣйствій явиться крайне опаснымъ для насъ врагомъ, вовсе не оправдала надеждъ, возлагаемыхъ на нее отоманскимъ правительствомъ.

Безпечностію и бездѣятельностію турокъ въ этомъ отношеніи, мы воспользовались весьма удачно; но не всегда приходится имѣть дѣло съ такимъ противникомъ. Въ концѣ своего очерка авторъ весьма обстоятельно и наглядно изображаетъ, что могла бы сдѣлать турецкая флотилія при большемъ пониманіи дѣла ея начальниками и при должномъ снабженіи ея новѣйшими оборонительными и разрушительными средствами военно-морской техники.

Передъ началомъ послѣдней войны, въ компетентныхъ кружкахъ господствовало мнѣніе, что въ предстоящей кампаніи выдающуюся роль суждено играть турецкой дунайской флотиліи.

Мнѣніе это казалось вполне основательнымъ, не только потому, что между матеріальными морскими средствами обѣихъ враждующихъ сторонъ существовала, вообще, громадная разница, но и потому, что рѣчные турецкія суда, въ полномъ ихъ комплектѣ, еще передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій собраны были на Дунаѣ; между тѣмъ какъ малочисленные русскіе паровые баркасы приходилось, съ разнообразными затрудненіями, доставлять къ мѣсту ихъ назначенія сухимъ путемъ, такъ какъ устья Дуная блокировались турецкимъ флотомъ.

Собранная на Дунаѣ турецкая флотилія ⁽¹⁾ состояла изъ семи бро-

(1) Флотилія эта, на сколько можно судить по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, состояла, какъ кажется, изъ слѣдующихъ судовъ:

Броненосныя канонерки: «Фетъ-уль-Исламъ», «Беюртенъ» и «Семендрия»; толщина брони на каждой 80 миллиметровъ; вооруженіе: двѣ 26-ти-фунтовыя Армстронговы пушки.

«Ишкдра» и «Подгорица»; толщина брони ихъ 65 миллиметровъ; вооруженіе: двѣ 26-ти-фунтовыя Армстронговы пушки.

неносцевъ и около восемнадцати обыкновенныхъ военныхъ судовъ, вооруженныхъ, приблизительно, 62-мя пушками (калибра не выше 12 цм.); кромѣ того, къ ней присоединились три парохода, принадлежащіе частному турецкому обществу. Въ общемъ итогѣ, слѣдовательно, 28 судовъ, на которыхъ числилось около 800 человекъ экипажа. Большинство этихъ судовъ имѣло такой мелкій ходъ, что могло плавать не только по всему Дунаю, до самыхъ «Желѣзныхъ воротъ», но при возвышеніи воды входить, на извѣстное протяженіе, даже въ различныя побочныя рѣки.

Кромѣ того, для дѣйствій на нижнемъ Дунаѣ, отъ Сулины до Силистріи (а при благопріятномъ уровнѣ воды и до самаго Туркутал), могли быть, въ случаѣ надобности, привлечены броненосцы морскаго флота (1).

Мониторы: «Хезберъ» и «Сейи»; толщина брони ихъ 80 миллиметровъ; вооруженіе: по двѣ крупновскія пушки калибра 12-ти-цм.

Деревянные канонерки, вооруженныя 4-мя орудіями: «Шефкетъ-Нума», «Сювизъ» (Сулина), «Варна» и «Аккіа».

Военныя пароходы: «Аркади» шесть орудій, «Истанкией» четыре орудія, «Нумансъ» два орудія, «Килшкъ-Али» два орудія, «Мушдъ-и-Рессанъ» четыре орудія и «Фундуклу» четыре орудія.

Двѣ легкія желѣзныя лодки, вооруженныя, каждая, однимъ легкимъ орудіемъ.

Шесть лодокъ, съ двумя легкими пушками на каждой. Общества «Азизіе», пароходъ «Мидхатъ». Дунайскаго пароходнаго общества «Идаріе-Нахирэ» два парохода: «Нишъ» и «София».

(1) Турецкій броненосный флотъ состоитъ изъ слѣдующихъ судовъ:

Казематированныя корабли (Casemateschiffe): «Масудіе» «Хамидіе»; толщина брони ихъ 305 миллиметровъ; вооруженіе: 12 пушекъ 10-ти-дюймовыхъ, три пушки 7-ми-дюймовыхъ (Армстронга).

«Нусретъе»; толщина брони 254 миллиметра; вооруженіе: 10 пушекъ 9-ти-дюймовыхъ, двѣ пушки 7-ми-дюймовыхъ (Армстронга).

«Ассаръ-и-Тевфикъ»; толщина брони 203 миллиметра; вооруженіе: шесть пушекъ 9-ти-дюймовыхъ, двѣ пушки 8-ми-дюймовыя (Армстронга).

Панцерныя фрегаты (прежней конструкціи): «Азизіе» и «Махмудіе»; толщина брони ихъ 127 миллиметровъ; вооруженіе: 14 пушекъ 7-ми-дюймовыхъ, одна пушка 9-ти-дюймовая (Армстронга), 10 гладкоствольныхъ 36-ти-фунтовыхъ пушекъ.

«Османіе»; толщина брони 127 миллиметровъ; вооруженіе: 14 пушекъ 7-ми-дюймовыхъ, одна пушка 9-ти-дюймовая (Армстронга), 10 гладкоствольныхъ 26-ти-фунтовыхъ пушекъ.

«Орханіе»; толщина брони 127 миллиметровъ; вооруженіе: 14 пушекъ 7-ми-дюймовыхъ, одна пушка 9-ти-дюймовая (Армстронга), 10 гладкоствольныхъ 36-ти-фунтовыхъ пушекъ.

Башенныя корабли (Thurmschiffe): «Февзіе»; толщина брони 356 миллиметровъ; вооруженіе: четыре пушки 12-ти-дюймовыя.

«Бурджъ-и-Заферъ» и «Пеикъ-и-Шереъ»; толщина брони ихъ 305 миллиметровъ; вооруженіе: четыре пушки 12-ти-дюймовыя.

Казематированныя корветы: «Мукадемъ-и-Хайръ» и «Фетъ-и-Булендъ»; толщина брони ихъ 228 миллиметровъ; вооруженіе: четыре пушки 9-ти-дюймовыя.

Этимъ внушительнымъ боевымъ средствамъ, которыя, ни изобиліи матеріала въ турецкихъ морскихъ арсеналахъ, легко могли еще уси- литься, русскіе имѣли возможность, на первый разъ, противопоставить только три маленькіе румынскіе парохода и около десятка паровыхъ барказовъ, приспособленныхъ къ дѣйствию нападательными торпедами (Aggressiv-Torpedo) (1).

Но, кромѣ матеріальнаго превосходства, на сторонѣ турокъ были и всѣ выгоды извѣстныхъ топографическихъ условій дунайскаго побе- режья. Крѣпости и укрѣпленія праваго берега хотя и находились, по большей части, въ запущеніи, но, состоя преимущественно изъ земля- ныхъ верковъ, могли при объявленіи войны легко быть исправлены и служить базисомъ для дѣйствій судовъ флотилии.

Единственною невыгодною стороною для турокъ представлялась, ко-

«Авни-Илла» и «Муинъ-и-Заферъ»; толщина брони ихъ 152 миллиметра; воору- жение: четыре пушки 9-ти-дюймовыя.

«Идшаліе»; толщина брони 142 миллиметра; вооружение: четыре пушки 9-ти- дюймовыхъ и одна пушка 7-ми-дюймовая.

«Неджмъ-и-Шевкетъ» и «Асаръ-и-Шевкетъ»; толщина брони ихъ 142 ми- ллиметра; вооружение: пять пушекъ 9-ти-дюймовыхъ.

Вашенные корабли: «Хюэзи-Рахманъ» и «Лютѣи-Джелиль»; толщина брони ихъ 127 миллиметровъ; вооружение: двѣ пушки 9-ти-дюймовыя, двѣ пушки 7-ми- дюймовыя, одна пушка 5-ти-дюймовая (Аржстронга).

За короткое время передъ открытіемъ войны, изъ числа вышепоименован- ныхъ кораблей, «Хамидіе», «Бюрджъ-и-Заферъ» и «Пейкъ-и-Шерефъ» еще не прибыли изъ Англіи, гдѣ они строились; «Нусретъ» и «Февзіе» были еще не окончены; «Османіе» и «Идшаліе», повидимому, еще не вооружены окончательно. Остальные, затѣмъ, 12 броненосцевъ распределены были слѣдующимъ образомъ:

Эскадра Чернаго моря:

У европейскаго берега: «Асаръ-и-Тевфикъ» (флагманскій корабль адмирала Хассанъ-паши), «Фетъ-и-Булендъ», «Мукадем-и-Хаиръ», «Неджмъ-и-Шевкетъ», «Хюэзи-Рахманъ», «Лютѣи-Джелиль»; кромѣ того, къ эскадрѣ этой принадлежали: деревянный корветъ «Музаферъ», вооруженный торпедами, колесный пароходъ «Ретимо», пароходы: «Измандъ» и «Карталь» и яхта «Сюррея».

У азіятскаго берега: «Махмудіе» (флагманскій корабль адмирала Ахметъ-па- ши), «Авни-Илла», «Муинъ-и-Заферъ», «Асаръ-и-Шевкетъ», «Азизіе».

Эскадра Средиземнаго моря:

«Масудіе» (флагманскій корабль) и «Орханіе».

(1) Румынская дунайская флотилія состояла изъ двухъ колесныхъ парохо- довъ: «Стефано-дель Марс» и «Романіа» (на каждомъ по шести легкихъ орудій); одного винтоваго парохода «Фульджеруль» (вооруженнаго двумя легкими пуш- ками), торпедной лодки «Рундурика» (съ одною пушкою, системы Гатлинга) и шести большихъ ластовыхъ судовъ.

Когда война явилась неизбежною, то, съ русской стороны, всѣ балтійскіе паровые барказы, сколько нибудъ пригодные для дѣйствій торпедами, равно какъ и Императорскіи маленькія паровыя яхты, немедленно были посланы на югъ. Одновременно съ этимъ, заказано было 19 или 20 новыхъ торпедныхъ лодокъ, или миноносокъ. Такихъ лодокъ при началѣ войны на Дунаѣ находилось около десяти, остальные были распределены по разнымъ портамъ Чернаго моря.

нечно, незначительная ширина Дуная, которая нигдѣ не превышаетъ двухъ километровъ, а часто суживается и до полукилометра.

Если принять во вниманіе тѣ подвиги, которые совершаемы были американцами во время ихъ междоусобной войны, на судахъ, въ техническомъ отношеніи значительно уступающихъ турецкимъ, и при обстоятельствахъ гораздо менѣе благоприятныхъ,—то, конечно, можно было ожидать, что турецкая флотилія чѣмъ нибудь дѣльнымъ себя заявить, и что, если только турки воспользуются всѣми выгодами, бывшими на ихъ сторонѣ, то переправа черезъ Дунай русскимъ можетъ удасться лишь съ большими потерями во времени и въ людяхъ.

Личною отвагою и готовностію къ самопожертвованію турецкіе моряки обладали въ столь же сильной степени, какъ и сухопутныя войска; но для предпріятій такого рода, какія требовались отъ дунайской флотиліи, безусловно необходимы были еще другія качества, которыми турки, вообще, совсѣмъ не обладаютъ, а именно: неусыпный духъ предпріимчивости, не останавливающийся ни передъ какими препятствіями, обширное знакомство со всѣми современными военными средствами и, наконецъ, быстрое и правильное пониманіе обстоятельствъ даннаго момента, соединенное съ умѣньемъ на сколько можно хорошо приспособить къ этимъ обстоятельствамъ свои наличныя средства, или, другими словами: энергія, развитой умъ и практичность. Гдѣ этихъ качествъ нѣтъ, тамъ на успѣхъ едва ли можно рассчитывать,—какъ бы велико ни было превосходство въ матеріальныхъ средствахъ.

Турки не разъ уже обладали превосходнымъ морскимъ матеріаломъ; экипажи ихъ судовъ никогда не обнаруживали недостатка въ храбрости, а между тѣмъ лѣтописи ихъ военной исторіи (по крайней мѣрѣ послѣднихъ двухъ столѣтій) не представляютъ намъ блистательныхъ, или сколько нибудь выдающихся морскихъ подвиговъ. Флоты ихъ постоянно и бесполезно погибали, потому что высшее начальство никогда не умѣло пользоваться имѣвшимися на лицо средствами.

Недостатокъ этотъ долженъ былъ дѣлаться все болѣе и болѣе ощутительнымъ, по мѣрѣ того, какъ военныя средства совершенствовались и плодотворное примѣненіе ихъ къ дѣлу стало требовать болѣе высокой степени умственного развитія.

Въ новѣйшія времена, особенное вниманіе на развитіе морскихъ силъ обращено было султаномъ Абдулъ-Азизомъ,—можетъ быть вслѣдствіе правильной оцѣнки тѣхъ выгодъ, которыя господство на морѣ могло доставить туркамъ, въ случаѣ войны съ Россією. Ему удалось—по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи—поставить турецкій броненосный флотъ на такую ступень, что онъ могъ бы занимать выдаю-

щееся мѣсто даже въ ряду главныхъ морскихъ державъ, если бы только личный составъ этого флота находился на той же степени совершенства. Но этого-то вовсе и не было. Главное зло, отъ котораго споконъ-вѣка страдаетъ турецкій флотъ, не въ состояніи былъ устранить и султанъ Абдуль-Азизъ.

Сдѣлана была, правда, попытка исправиться и въ этомъ отношеніи. Въ 1867 году турецкое правительство пригласило къ себѣ на службу, въ званіи коммодора, бывшаго капитана корабля англійскаго флота Гобарта (впослѣдствіи Гобартъ-паша), извѣстнаго своими отважными нарушеніями блокадъ въ эпоху американской войны. Но—какъ обыкновенно случается въ Турціи—противники прогреса счумѣли парализировать и эту мѣру. Сколько намъ извѣстно, Гобарту-пашѣ никогда не предоставлялось прямаго вліянія на реорганизацію турецкаго флота. Правда, что во время возстанія на Критѣ онъ получилъ начальство надъ эскадрою, крейсеровавшею около этого острова, и затѣмъ быстро достигъ званія адмирала; правда и то, что, при началѣ послѣдней войны, ему хотѣли ввѣрить начальство надъ флотомъ и руководство всѣми морскими оборонительными и наступательными мѣропріятіями, но намѣреніе это опять было разрушено интригами его противниковъ, которымъ удалось держать ненавистнаго имъ иностранца какъ можно дальше отъ театра войны и ограничить дѣятельность его присутвіемъ въ морскихъ совѣщаніяхъ. При такой обстановкѣ, даже столь даровитому и энергическому человѣку, какъ Гобартъ-паша, невозможно было въ какія нибудь 5—6 лѣтъ окончить задачу, разрѣшеніе которой, при обстоятельствахъ гораздо болѣе благоприятныхъ, требовало значительнаго времени.

Сколь нераціонально велось дѣло при организаціи броненоснаго флота, и какъ мало обращалось вниманія на его дѣйствительную боевую готовность, лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ, что хотя миліоны за миліонами тратились на приобрѣтеніе новыхъ кораблей, но о снабженіи орудій, на готовыхъ уже судахъ, достаточнымъ количествомъ боевыхъ снарядовъ, вовсе, повидимому, не помышляли. Эта небрежность и отозвалась туркамъ при открытіи войны.

Тѣмъ не менѣе, султанъ Абдуль-Азизъ съ чувствомъ великаго самодовольства любовался своимъ созданіемъ и обращался съ нимъ столь заботливо, что константинопольскіе обыватели прозвали турецкій броненосный флотъ «султанскими теплицами». Въ лучшее время года флотъ этотъ, по большей части, пребывалъ на Босфорѣ, передъ самымъ дворцомъ падишаха, и дѣятельность его, преимущественно, сводилась къ тому, чтобы во время празднествъ производить салютную

пальбу изъ своихъ отлично вычищенныхъ орудій. Но съ наступленіемъ зимы, корабли, для лучшаго сохраненія, обыкновенно опять вводились въ арсеналь. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей практическая подготовка какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ заставляла желать если не всего, то весьма многого.

Не въ лучшемъ видѣ представлялась и подготовка научная.

Теоретическими познаніями обладаютъ, преимущественно, лишь тѣ немногіе, большею частію молодые офицеры, которые воспитывались за границею или въ морской академіи; но они или не имѣютъ опытности, или, вслѣдствіе своего подчиненнаго положенія, не могутъ проводить своихъ взглядовъ. Большинство же старшихъ офицеровъ турецкаго флота просто поражаетъ своимъ невѣжествомъ и неспособностью; о морской тактикѣ, о современныхъ военно-морскихъ средствахъ и ихъ употребленіи, о системѣ сигналовъ и т. п., они не имѣютъ почти никакого понятія; недостатокъ инициативы у нихъ полный; единственно, на что они еще годны, это—артилерійское единоборство, подобное существовавшему въ эпоху Нельсона.

Въ обращеніи съ орудіями турки, вообще, всегда обнаруживали большую снаровку; репутація ихъ, въ этомъ отношеніи, оправдалась и при многихъ случаяхъ послѣдней войны. Но за то, какъ кажется, они всѣ надежды свои и возлагали исключительно на артилерійское дѣйствіе; по крайней мѣрѣ, этимъ только и можно объяснить себѣ ихъ индифферентизмъ къ минамъ и торпедамъ, которыя угрожали ихъ флоту такою значительною опасностію.

Въ противоположность турецкому, личный составъ русскаго флота, вообще, обладаетъ, въ значительной степени, научнымъ образованіемъ; практическая же подготовка всѣхъ чиновъ пріобрѣтается на большихъ морскихъ маневрахъ, которые производятся ежегодно.

Итакъ, матеріальному превосходству турокъ противопоставлено было, съ русской стороны, превосходство интеллигенціи и инициативы; по этому вопросу о томъ, на чью сторону, въ концѣ концовъ, склонится успѣхъ, представлялся еще, по малой мѣрѣ, сомнительнымъ.

Отсутствие инициативы въ турецкомъ флотѣ представлялось явленіемъ столь безпримѣрнымъ, что нельзя удивляться, если въ кружкахъ, мало знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами, стало распространяться мнѣніе, будто дунайская флотилія не имѣла вообще возможности оказать какое нибудь существенное вліяніе на ходъ военныхъ событій.

Мнѣніе это, между тѣмъ, совершенно неправильно. Нѣтъ спора, что окончательное рѣшеніе дѣла могло воспослѣдовать только на по-

ляхъ сраженій въ Болгаріи; но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что туркамъ ихъ флотъ представлялъ весьма дѣйствительное средство, чтобы при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій сильно затормазить военныя мѣропріятія противника, противопоставить ему разнообразныя затрудненія при переправѣ, а по совершеніи оной, отрѣзать его сообщенія съ Румыніею.

Такого рода преимущества, конечно, не могутъ считаться маловажными, особенно, если вспомнимъ, что все довольствіе русской арміи должно было идти изъ Румыніи.

Если турки счумѣли бы воспользоваться своимъ преимуществомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что боевыя обстоятельства сложились бы для нихъ гораздо благоприятнѣе, нежели какъ случилось въ дѣйствительности.

Это-то и имѣлъ въ виду авторъ обстоятельнѣе разъяснить, принимаясь за предлагаемый трудъ.

Прежде всего, онъ представляетъ сжатый очеркъ событій на Дунаѣ, на сколько таковыя находятся въ связи съ дѣйствіями флотилии, и затѣмъ изображаетъ эти дѣйствія такъ, какъ они должны бы были сложиться, еслибъ турки были способны сдѣлать надлежащее употребленіе изъ тѣхъ обширныхъ средствъ, которыми они располагали.

На сколько до сихъ поръ извѣстно, суда флотилии, въ моментъ открытія враждебныхъ дѣйствій, распределены были, вдоль праваго берега Дуная, такимъ образомъ, что въ шести или восьми-часовой срокъ могли соединиться по крайней мѣрѣ по два. Мѣстами ихъ стоянокъ были: Виддинъ, Рахово, Никополь, Систово, Рушукъ, Туртукай, Силистрія и Гирсово (1).

(1) Названія судовъ, распределенныхъ по различнымъ пунктамъ, до сихъ поръ нельзя съ точностью опредѣлить, такъ какъ въ различныхъ сообщенияхъ названія эти или вовсе не упоминаются, или упоминаются ошибочно, причемъ одно и то же судно является подъ разными наименованіями. Но, приблизительно говоря, расположеніе ихъ, въ началѣ войны, было слѣдующее:

- 1) Виддинъ — броненосная канонерка «Бекуртенъ» и деревянная канонерка «Варна».
- 2) Рахово — броненосная канонерка «Подгорица» (потомъ въ Никополь).
- 3) Никополь — броненосная канонерка «Ишкодра».
- 4) Систово — деревянная канонерка «Сюнне» (потомъ въ Сулия, гдѣ ее и взорвало).
- 5) Рушукъ — мониторы «Зейфи» и «Хезберъ», военный пароходъ «Истанкійей», частныя пароходы «Нишъ» и «Соѳія».
- 6) Туртукай — деревянная канонерка «Шевкетъ-Нума» и военный пароходъ «Нумаистъ».

Нижній Дунай, начиная отъ устьевъ и до Гирсова, занять былъ морскими броненосцами.

Дѣятельность флотилии открылась въ началѣ мая тѣмъ, что нѣкоторыя изъ ея судовъ обмѣнялись выстрѣлами съ русскими и румынскими батареями, воздвигнутыми около Журжи, Ольтеницы, Браилова, Рени и Сатунова, и безплодно обстрѣливали названныя мѣстечки.

Но и этимъ подвигамъ русскіе скоро положили конецъ.

Присланнымъ въ дѣйствующую армію морскимъ командамъ удалось, еще въ концѣ апрѣля (т. е. черезъ недѣлю по объявленіи войны), запереть Дунай, у Рени и Браилова, посредствомъ погруженія подводныхъ минъ. Турки при этомъ ихъ не беспокоили.

Этимъ русскіе не только обезпечили за собою безопасное пространство для предполагавшейся у Гечета переправы, но и раздѣлили турецкія военныя силы, вслѣдствіе чего два, назначавшіяся для прибрежной обороны, морскія судна (которымъ, впрочемъ, вѣроятно уже съ самаго начала указано было сторожить Мачинскій рукавъ) отрѣзаны были отъ главныхъ силъ флотскаго отряда.

Отрядъ, остававшійся въ устьяхъ Дуная и состоявшій, приближительно, изъ шести броненосцевъ и четырехъ—шести деревянныхъ судовъ (изъ коихъ, какъ говорятъ, три броненосца и одна деревянная канонерка стояли въ Сулинскомъ рукавѣ, два броненосца и два деревянныхъ судна—у Тульчи, а одинъ мониторъ—у Исакчи), устрешенный подводными минами и прибрежными батареями, устроенными у Рени и Сатунова и вооруженными большого калибра орудіями, воздерживался отъ всякихъ предпріятій вверхъ по Дунаю, и, въ сущности, ограничивался лишь обереганіемъ устьевъ рѣки. Стоявшій около Исакчи мониторъ имѣлъ, правда, 14-го мая, небольшую схватку съ русскою конною батареею, у монастыря св. Терапонта; кромѣ того, въ концѣ іюня послано было нѣсколько лодокъ въ Килійскій рукавъ для разрушенія наблюдательной башни, у Вилкова, и для сожженія самой деревни; но эти предпріятія имѣли столь второстепенное военное значеніе, что почти не заслуживаютъ упоминанія.

Этимъ судамъ удалось, по крайней мѣрѣ, охранить себя отъ торпедныхъ атакъ, что, вѣроятно, слѣдуетъ приписать стараніямъ Гобарташи. Попытка подобной атаки, сдѣланная русскими 9-го іюня, не

7) Силистрія—броненосная канонерка «Фетъ-уль-Исламъ», военные пароходы: «Килджъ-Али», «Мюше-и-Рессанъ», «Фундуклу» и «Аркади», пароходъ «Мидхатъ» (вслѣдствіи пришли въ Силистрію и суда изъ Мачинскаго канала)

8) Гирсово—деревянная канонерка «Аккія». Что касается броненосной канонерки «Семендиръ», то она нигдѣ не является, и потому можно полагать, что она пришла въ негодность.

удалась, хотя одинъ изъ турецкихъ кораблей получилъ при этомъ немаловажныя поврежденія.

По мнѣнію автора, какъ эта, такъ и прочія минныя экспедиціи, предпріятыя русскими на Дунаѣ, заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ, по немногочисленности опытовъ, свидѣтельствующихъ о возможности практическаго примѣненія и о достоинствахъ этого новаго военнаго средства, онѣ, уже сами по себѣ, представляютъ общій для всѣхъ интересъ, а кромѣ того, и потому, что турецкія суда только при этихъ случаяхъ и входили въ сопрякосновеніе съ неприятелемъ.

Приспособленный къ миннымъ экспедиціямъ, русскій пароходъ «Константинъ», съ шестью минными барказами, вышелъ 9-го іюня, въ 1 часъ по-полудни, изъ Одесской гавани и направился къ Сулинѣ.

Экспедиція эта не удалась, благодаря своевременно принятымъ турками предохранительнымъ мѣрамъ, а также—разнымъ неблагоприятнымъ для русскихъ миноносокъ случайностямъ.

Пароходъ «Константинъ», при попыткѣ принять на себя одинъ изъ уходившихъ отъ турокъ барказовъ, сталъ на мель, съ которой удалось ему сняться только благодаря тому, что излишній запасъ угля былъ выброшенъ за бортъ. Кажется страннымъ, почему турецкій броненосецъ (Феть-и-Булендъ), преслѣдовавшій миноноску, пустилъ по «Константину» нѣсколько выстрѣловъ, опять ушелъ въ Сулину, хотя русскій пароходъ до 8 часовъ утра оставался въ близкомъ оттуда разстояніи, поджидая свой миноносный барказъ № 2-го, какъ извѣстно, погибшій въ этомъ дѣлѣ.

Конечно, прибавляетъ авторъ — возможно и то, что «Феть-и-Булендъ» потому прекратилъ бой, что турецкій флотъ, какъ говорятъ, страдалъ недостаткомъ артилерійскихъ снарядовъ, и потому что самое судно, отъ взрыва мины русскаго барказа № 1-го, получило такія поврежденія, что его пришлось отправить въ Константинополь на исправленіе. Только около конца іюля вернулся онъ къ своей стоянкѣ, въ Сулину, причемъ, на пути туда, ему пришлось еще выдержать бой (23-го іюля) съ русскимъ пароходомъ «Веста».

Русскія и турецкія сообщенія о подробностяхъ этого боя, по обыкновенію, весьма различны между собою. Авторъ однако считаетъ нужнымъ замѣтить, что онъ не можетъ усмотрѣть разумной причины, которая бы могла побудить турецкаго начальника прекратить бой. привимавшій благоприятное для него направленіе и должествовавшій окончиться гибелью «Весты». Если у него и не хватило снарядовъ, то

онъ въ открытомъ морѣ могъ бы попытаться вѣзаться своимъ тараномъ въ безъ того уже сильно поврежденный русскій пароходъ и пустить его ко дну.

Вышесказанная минная атака, хотя и кончилась отчасти несчастливо для русскихъ, имѣла однако своимъ послѣдствіемъ то, что турецкіе корабли, съ этого времени, преимущественно заботились о томъ, какъ бы оградить себя отъ подобныхъ нападений, а блокаду поддерживали весьма слабо. Каждую ночь эскадра постоянно уходила въ открытое море, и только къ утру опять возвращалась въ Сулину; вслѣдствіе чего русскимъ удалось провести изъ Одессы, черезъ Киликійскій рукавъ, въ Дунай нѣсколько паровыхъ судовъ и миноносковъ.

Благодаря этому подерѣпленію, и еще болѣе ободренные неспособностію и вялостію турокъ, русскіе могли теперь перейти даже къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и 8-го октября предприняли усиленную атаку на Сулину и стоящую тамъ на якорѣ турецкую эскадру.

На слѣдующее утро русская флотилія, состоявшая изъ нѣсколькихъ канонерокъ и мортирныхъ лодокъ («Mörser-Booten»), двинулась къ Сулину; на встрѣчу имъ пошли два турецкія судна и, при послѣдовавшей затѣмъ схваткѣ, одно изъ нихъ (а именно: деревянная канонерка «Сюннэ», въ 200 тоннъ, съ четырьмя орудіями и 100 человекъ экипажа), попалъ на вновь заложенный рядъ минъ, взлетѣло на воздухъ.

Послѣ этого, русскіе приблизились къ Сулинѣ и обстрѣливали какъ самое мѣстечко, такъ и корабли, около него стоявшіе, съ 9 часовъ утра до вечера. Говорятъ, что вслѣдствіе этой канонады на одномъ изъ турецкихъ броненосцевъ произошелъ взрывъ паровика. Если бой дѣйствительно шелъ такимъ порядкомъ—говоритъ авторъ, то онъ представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ сраженій, которое можетъ представить морская военная исторія, потому что такіе случаи, при которыхъ нѣсколько незначительныхъ суденышекъ находятъ возможность не только атаковать безнаказанно цѣлую эскадру, состоящую изъ четырехъ, современной конструкціи, военныхъ судовъ, покрытыхъ толстою броней и вооруженныхъ тяжелыми орудіями, и нѣсколькихъ деревянныхъ судовъ, но и нанести имъ чувствительный уронъ—такіе случаи, конечно, не могутъ часто повторяться. Только благодаря неспособности турокъ, русскіе могли отважиться на такую атаку и успѣшно довести ее до конца. Тѣмъ не менѣе, описанный случай заслуживаетъ вниманія, доказывая, что, на будущее время, эскадрамъ, которымъ придется дѣйствовать при подобныхъ обстоятельствахъ, около береговъ, окаймлен-

ныхъ лагунами и мелководными мѣстами, необходимо придавать большее количество легкихъ судовъ.

Турецкое начальство, говорить онъ, основываясь на опытахъ прежнихъ войнъ, руководствовалось, повидимому, такимъ соображеніемъ, что русскіе, попавъ въ Добруджу, потеряютъ тамъ большее число людей отъ болѣзней, нежели могли бы потерять въ сраженіи. Поэтому оказывать упорное сопротивление на сухомъ пути, какъ кажется, не входило въ намѣреніе турокъ; тѣмъ болѣе, что они имѣли полное право надѣяться, что соединенная на низовьяхъ Дуная значительная эскадра будетъ достаточно сильна для того, чтобы затруднить неприятелю переправу, или даже сдѣлать ее совершенно невозможною.

Но когда, благодаря собственной неспособности и искусству противника, эскадра эта, уже черезъ нѣсколько дней, оказалась обреченною на бездѣтельность, то турецкое начальство поспѣшило посылкою сухопутныхъ войскъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и судовъ праваго крыла дунайской флотиліи, къ Мачинскому рукаву, дабы, въ соединеніи съ находившимися тамъ двумя башенными кораблями (Thurmschiffe), воспрепятствовать русскимъ утвердиться на большомъ островѣ, лежащемъ между Браиловымъ и Мачиномъ, и возводить на немъ батареи.

На сколько извѣстно, всего собрано было въ тамошнихъ водахъ около пяти панцырныхъ и двухъ деревянныхъ судовъ (1), начальство надъ коими принялъ, какъ кажется, Делаверъ-паша, директоръ турецкаго дунайскаго пароходнаго общества «Идаріе-Нахирэ».

Изъ числа этихъ судовъ, «Лютфи-Джелиль» еще 6-го мая обстрѣливалъ браиловскую желѣзнодорожную станцію, въ то самое время, какъ прибылъ на нее Великій Князь Николай Николаевичъ; но, сдѣлавъ около 15 выстрѣловъ изъ своихъ 9-ти и 7-ми-дюймовыхъ пушекъ и не причинивъ особеннаго вреда, продолжалъ свой путь вверхъ по Дунаю, направляясь къ Гирсову.

11-го мая, послѣ полудня, корабль этотъ (пройдя на этотъ разъ черезъ Мачинскій рукавъ) снова появился передъ Браиловымъ и бросилъ якорь прямо противъ Гечета, на разстояніи около 4¹/₂ километровъ отъ воздвигнутыхъ у Браилова русскихъ батарей. По англійскимъ извѣстіямъ, одна изъ этихъ батарей вооружена была наръвными, 6-ти-дюймовыми, бронзовыми гаубицами (вѣроятно укороченными, заряжающимися съ казенной части пушками, калибра 15 см.), а другая—25-ти-фунтовыми осадными орудіями.

(1) Вѣроятно, оба башенные корабля «Лютфи-Джелиль» и «Хиззи Рахманъ», мотыгоры «Сейфи» и «Хезберъ», броненосная канонерка «Фетъ-уль-Исламъ», деревянная канонерка «Аккіа» и колесный пароходъ «Аркада».

Такъ какъ русскіе предполагали, что Браилловъ станутъ обстрѣливать, то они сами немедленно открыли по неприятельскому судну огонь, на который съ турецкой стороны, однако, не отвѣчали. Вслѣдствіе этого русскіе могли производить пальбу совершенно спокойно и хорошо провѣрять паденіе снарядовъ. Такимъ образомъ, съ обѣихъ русскихъ батарей, въ теченіе 45 минутъ, выпущено было около 20 выстрѣловъ, когда на турецкомъ кораблѣ замѣчено было пламя и густое облако дыма. За симъ послышался глухой ударъ, и когда дымъ разсѣялся, турецкаго корабля уже не существовало; надъ водою виднѣлась только мачта его, на которой развѣвался отоманскій флагъ. Съ другаго корабля, стоявшаго нѣсколько выше, по теченію рѣки, прибыли на помощь утопавшимъ только двѣ лодки; но удалось ли имъ спасти кого нибудь—неизвѣстно. Русскіе паровые барказы подплыли къ мѣсту катастрофы и, безъ всякаго препятствія со стороны турокъ, сняли флагъ съ затопленнаго корабля, причемъ вытасченъ былъ изъ воды корабельный поваръ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій отъ гибели.

О причинахъ этой катастрофы извѣстія весьма различны. Она послѣдовала, повидимому, отъ взрыва паровика, но вслѣдствіе ли попавшей въ топку и разорвавшейся тамъ гранаты, или же вслѣдствіе собственной неосторожности турокъ—рѣшить трудно.

По показаніямъ спасеннаго повара, турки дѣйствительно намѣревались обстрѣливать Браилловъ, и въ обстрѣливаніи этомъ должны были принять участіе всѣ корабли мѣстнаго отряда. Если такое намѣреніе дѣйствительно существовало, то, для выполненія его, врядъ ли можно было распорядиться менѣе искусно.

Вмѣсто того, чтобы всѣмъ судамъ *одновременно* (и, если возможно, подъ покровомъ ночной темноты) подойти на предварительно обозначенныя мѣста якорныхъ стоянокъ, дабы, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, открыть общій и самый усиленный огонь,—только одинъ изъ кораблей и то среди бѣлаго дня, бросаетъ якорь въ сферѣ дѣйствительныхъ выстрѣловъ противника. Затѣмъ, самъ Делаверъ-паша, вмѣстѣ съ капитаномъ «Лютфи-Джелиля», отправился на лодкѣ въ Мачинъ (лежащій оттуда мили на четыре выше), для того, чтобы теперь только обсудить съ начальниками прочихъ оставшихся тамъ судовъ планъ общаго нападенія. Кромѣ того, они, передъ отъѣздомъ своимъ, оставляютъ приказаніе: не открывать огня до ихъ возвращенія изъ Мачина. Вслѣдствіе сего, оставшійся на «Лютфи-Джелиль» старшій офицеръ, въ точности исполняя данную ему инструкцію, предоставилъ русскимъ спокойно производить стрѣльбу, не отвѣчалъ на нее и не выводилъ корабля изъ сферы выстрѣловъ.

Если предположить, что на «Лютфи-Джелиль» сначала хотѣли лишь произвести рекогносцировку и обозначить мѣста расположенія прочихъ судовъ,—то для такой цѣли гораздо болѣе подходящимъ было бы судно меньшихъ размѣровъ; во всякомъ же случаѣ, Делаверъ-паша, окончивъ рекогносцировку, долженъ былъ возвратиться въ Мачинъ опять на «Лютфи-Джелиль». То, что онъ, безъ всякой пользы, подвергъ явной опасности одинъ изъ лучшихъ своихъ кораблей, нельзя не признавать, съ его стороны, грубою ошибкою.

Вопреки показаніямъ корабельнаго повара, авторъ полагаетъ болѣе вѣроятнымъ, что турки не имѣли намѣренія обстрѣливать Браиловъ, но что «Лютфи-Джелилю», выставленному въ видѣ передоваго поста, поручено было сторожить участокъ рѣчнаго рукава между Браиловымъ и Гечетомъ, особенно удобный для переправы, и воспрепятствовать русскимъ утвердиться на немъ.

Однако, даже и въ этомъ случаѣ не представлялось основаній для того, чтобы ставить корабль подъ непріятельскіе выстрѣлы.

При нормальномъ уровнѣ воды, «Лютфи-Джелиль» былъ бы, конечно, закрытъ лѣсистымъ мысомъ, выдающимся изъ острова, около котораго онъ стоялъ; но такъ какъ вода, въ это время, была необычайно высока, то онъ видѣнъ былъ изъ-за вполонину затопленныхъ деревьевъ и представлялъ для русскихъ превосходную, неподвижную мишень. При такихъ обстоятельствахъ и при вѣрности стрѣльбы изъ нынѣшнихъ орудій, можно было предвидѣть, что, раньше или позже, какимъ нибудь удачнымъ выстрѣломъ панесено будетъ кораблю тяжелое поврежденіе, тѣмъ болѣе, что русскіе, находясь отъ него на значительномъ разстояніи, должны были стрѣлять подъ самыми большими углами возвышеній, а палуба «Лютфи-Джелиля», не покрытая броней, не представляла обезпеченія отъ навѣсныхъ выстрѣловъ.

Что снаряды русской батареи долетали до корабля—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Непріятельскіе артиллеристы, не убѣдившись въ дѣйствительности своей стрѣльбы, не стали бы даромъ продолжать ее.

Вслѣдствіе гибели «Лютфи-Джелиля», турки, повидимому, совершенно потеряли голову и ничего не предпринимали въ теченіе цѣлой недѣли,—чѣмъ непріятель воспользовался для того, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить ихъ минами.

Хотя русскіе, въ это время, могли уже убѣдиться въ томъ, что дунайская флотилія—врагъ для нихъ не опасный, тѣмъ не менѣе, имъ, на всякій случай, хотѣлось сдѣлать турецкія суда вполнѣ для себя безвредными; вслѣдствіе чего рѣшено было атаковать эти суда миноносными лодками.

Экспедиція противъ турецкой флотиліи, предпринятая, въ ночь съ 25-го на 26-е мая, четырьмя русскими миноносками (Цесаревичъ, Ксения, Джигитъ и Царевна), увѣнчалась полнымъ успѣхомъ ('); потопленъ былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ дунайскихъ броненосцевъ «Зейфи».

Обстоятельства этого ночнаго боя—замѣчаетъ авторъ—доказываютъ, что гибель «Зейфи» слѣдуетъ приписывать, исключительно, небрежности турокъ. Они знали, что противникъ имѣетъ миноносныя лодки; ясно было, что онъ употребитъ ихъ на какое нибудь предпріятіе противъ турецкихъ кораблей, а вслѣдствіе того, необходима была величайшая бдительность и осторожность.

Если бы даже не было матеріала для устройства барьядъ, то слѣдовало, по крайней мѣрѣ — особенно въ темныя и туманныя ночи — принимать обычные мѣры предосторожности, выставивъ, на соотвѣтствующее разстояніе, нѣсколько форпостныхъ лодокъ въ ту сторону, съ которой можно было ожидать нападенія. Своевременно извѣщенные этими форпостами о приближеніи непріятеля, турки, вѣроятно, имѣли бы возможность отбить атаку (если бы даже таковая могла состояться при подобной обстановкѣ).

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, турки, относительно говоря, еще дешево отдѣлались; потому что, если бы начальникъ русской экспедиціи, которому пришлось имѣть дѣло съ двумя турецкими броненосцами, пустилъ одновременно, противъ каждаго изъ нихъ, по двѣ миноноски, то весьма вѣроятно, что оба турецкія судна были бы разрушены.

Намъ, однако, извѣстно—прибавляетъ авторъ—что гораздо легче критиковать, нежели сдѣлать лучшее, особенно въ предпріятіяхъ такого рода, для которыхъ потребны желѣзные нервы; поэтому, вышеприведеннымъ замѣчаніемъ мы вовсе не были намѣрены хотъ сколько нибудь уменьшать заслуженную славу начальника этой экспедиціи, исполненной столь отважно и увѣнчанной блестятельнымъ успѣхомъ.

О дальнѣйшей судьбѣ оставшихся затѣмъ, въ Мачинскомъ рукавѣ, кораблей, свѣдѣніи нѣсколько разнятся между собою. Во всеподданнѣйшемъ донесеніи Главнокомандующаго сказано, что уже въ концѣ мая русскимъ удалось окончательно утвердиться на всемъ нижнемъ участкѣ Дуная, отъ Рени до Гирсова, и прогнать оттуда всѣ непріятельскіе корабли; по нѣкоторымъ же газетнымъ извѣ-

(') Подробности этой экспедиціи, взятая авторомъ изъ русскихъ реляцій, мы считаемъ излишнимъ здѣсь помѣщать. Геройскій подвигъ Дубасова, Шестакова и ихъ молодецкой команды хорошо извѣстны всей читающей Россіи.

стіямъ, остаткамъ турецкаго флотскаго отряда, послѣ неудачной попытки пробиться, удалось лишь около середины іюня (а по другимъ источникамъ, еще позже) устранить минныя преграды, которыми они были окружены, и уйти вверхъ по теченію, подъ огнемъ русскихъ батарей, возведенныхъ около устья р. Яблоницы (нѣсколько ниже Гирсова). Которое изъ этихъ свѣдѣній вѣрнее—говоритъ авторъ—съ точностію мы не можемъ опредѣлить, но полагаемъ, что на офиціальное русское донесеніе можно болѣе полагаться.

Впрочемъ, вопросъ о томъ, когда именно удалось турецкимъ судамъ ускользнуть въ Силистрію, не имѣетъ большаго значенія; важно только то, что 22-го іюня русскимъ удалось совершить переправу черезъ Дунай, не смотря на возвышеніе воды, вслѣдствіе котораго вся окрестность Гечета была затоплена и до устроеннаго тамъ моста нельзя было добраться по-суху,—и что при этомъ затруднительномъ предпріятіи, для котораго они могли пользоваться только паровыми, парусными и весельными судами, турецкая флотилія ровно ничѣмъ не мѣшала имъ.

Вслѣдствіе сего (такъ какъ и сухопутныя турецкія войска, послѣ упорнаго боя у Буджака, окончательно отступили), русскіе могли безпрепятственно занять Мачинъ, Тульчу, Исакчу и Гирсово; общая потеря ихъ при переправѣ едва ли достигала 200 человекъ.

Находившіяся на среднемъ участкѣ Дунаѣ суда, съ самаго открытія военныхъ дѣйствій и до того времени, когда русскіе окончили свои приготовленія къ переправѣ, держались, большею частію, въ наблюдательномъ положеніи; иногда только они принимали участіе въ бомбардированіи, которое турецкія крѣпости предпринимали по возведеннымъ на противоположномъ берегу батареямъ. Такъ, 10-го мая, дѣйствовали два броненосца, когда изъ Туртукая обстрѣливалась румынская батарея, построенная у Ольтеницы.

Отъ времени до времени, правда, получались извѣстія, будто турки пытались захватывать суда, стоявшія въ румынскихъ гаваняхъ, и сжигать тѣ изъ нихъ, которыя сопротивлялись переводу на другой берегъ; но сомнительно, чтобы мѣра эта проводилась особенно энергично, и полагать должно, что подобныхъ судовъ осталось на лѣвомъ берегу еще достаточное количество, такъ что русскіе могли употребить ихъ въ дѣло, вмѣстѣ съ собственнымъ матеріаломъ.

Для устройства моста черезъ Дунай, кромѣ четырехъ понтонныхъ парковъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ арміею, русскіе устраивали еще дополнительные понтоны въ Галацѣ и Слатинѣ. Затѣмъ, весь этотъ переправочный матеріалъ соединенъ былъ на рѣкѣ Алутѣ, откуда его

имѣлось въ виду спустить внизъ по Дунаю, мимо Никополя, къ мѣсту, избранному для переправы.

Паровые барказы, предназначавшіеся для минныхъ атакъ, сначала были перевезены частію въ Златицу, частію во Фратешти: оттуда, на повозкахъ, доставлены они были, черезъ Фламунду, въ Малу-де-Жоссъ, гдѣ, наконецъ, они попали въ Дунай.

По окончательномъ избраніи пункта для переправы, нѣсколько ниже Слстова, русскіе рѣшили оградить минами участокъ Дуная между Карабіей и Парананомъ (имѣющій около 114 километровъ длины).

Такъ какъ всѣ, имѣвшіяся еще на лицо суда турецкой флотиліи находились на среднемъ и верхнемъ участкахъ Дуная, и турки, на этомъ отдѣлѣ театра войны, обнаружили болѣе дѣятельности и бдительности, нежели въ Мачинскомъ рукавѣ, то русскіе опасались наткнуться здѣсь и на болѣе серьезное сопротивленіе. Этого, однако, не случилось. Правда, что сначала турки съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за движеніями противника; въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, едва лишь появлялся хоть самый маленькій русскій отрядъ на лѣвомъ берегу, или какая нибудь одна лодка отплывала оттуда, какъ противъ нихъ сейчасъ же открывали усиленную стрѣльбу; но къ тому времени, когда переправа дѣйствительно должна была совершиться, бдительность турокъ видимо ослабѣла, — чѣмъ значительно облегчились для русскихъ всѣ ихъ приготовительныя дѣйствія. 20-го іюня, рано поутру, спущенъ былъ въ Дунай (у Малу-де-Жоссъ) десятый паровой барказъ и приступлено къ погруженію минъ у Паранана, около 16 километровъ выше Рушука.

Турки замѣтили это только около 5-ти часовъ утра и немедленно открыли по русскимъ лодкамъ сильный ружейный огонь; а спустя нѣсколько времени подошло къ этому мѣсту броненосное судно (въроятно, мониторъ «Хезберъ», стоявшій около Рушука). Атака высланной противъ него миноносной лодки «Шутка» (подъ начальствомъ Скрыдлова), какъ извѣстно, не удалась; тѣмъ не менѣе, турецкій мониторъ отступилъ, и русскіе, безъ дальнѣйшихъ помѣхъ, могли окончить свою минную линію.

Когда дѣло это уже было завершено, на правомъ берегу появилась турецкая конная батарея, и, открывъ огонь по русскимъ миноноскамъ, нанесла тремъ изъ нихъ немаловажныя поврежденія. Вслѣдствіе сего русскія суда отошли изъ подъ выстрѣловъ, частію вверхъ, а частію внизъ по рѣкѣ. Успѣхъ этотъ, для турокъ, являлся однако уже запоздалымъ. Русскимъ и тутъ удалось, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, докончить трудную работу погруженія минъ, — и на этотъ разъ

даже въ виду противника. До устраненія этихъ минъ или приведенія ихъ въ безвредное состояніе, суда, находившіяся въ Русчукъ и Силистрии, лишались возможности принимать участіе въ дѣйствіяхъ на верхнемъ участкѣ Дуная.

Неизвѣстно, доходили ли до турокъ извѣстія о прибытіи миноносныхъ лодокъ въ Малу-де-Жось и объ одновременно съ этимъ происходившихъ въ Валахіи передвиженіяхъ войскъ; во всякомъ случаѣ, 20-го числа, въ 5 часовъ утра, они замѣтили работы противника; работы эти наврядъ ли могли быть окончены ранѣе 10-ти часовъ утра; слѣдовательно, въ распоряженіи турокъ оставалось около пяти часовъ, которыхъ имъ—будь у нихъ другіе порядки—вѣроятно, оказалось бы достаточнымъ для того, чтобы воспрепятствовать заложению новой минной линіи.

Парапанъ отстоитъ отъ Систова на 22, а отъ Никополя—на 44 морскія мили. Въ Систовѣ находилась одна обыкновенная, а въ Никополѣ двѣ казематированныя канонерки; первая изъ нихъ, слѣдовательно, могла прибыть къ мѣсту, гдѣ происходило дѣло, черезъ два или три часа, а объ послѣднія—черезъ пять или шесть часовъ.

Мониторъ «Хезберъ», прибывшій изъ Русчука (гдѣ, кромѣ него, стояло еще три паровыя судна) въ 8 часовъ утра и при первой атакѣ не потерпѣвшій, повидимому, никакого поврежденія, тѣмъ не менѣе сейчасъ же ушелъ назадъ; а между тѣмъ мониторъ этотъ, особенно при поддержкѣ появившейся потомъ конной батареи, вѣроятно имѣлъ бы возможность задержать русскихъ, до прибытія остальныхъ судовъ. Если одной помянутой батарее удалось значительно повредить три миноноски, то, въ соединеніи съ мониторомъ, вѣроятно, можно было бы привести въ негодность и нѣсколько другихъ миноносокъ или даже совершенно уничтожить ихъ.

Канонерки, подходящія съ верхняго участка (отъ Систова и Никополя), еслибы онѣ даже, по непростительной оплошности, не были снабжены средствами для устраненія минъ, все-таки могли бы отрѣзать дорогу тѣмъ пяти русскимъ миноноскамъ, которыя изъ подъ выстрѣловъ турецкой конной батареи уходили вверхъ по теченію. Потери этихъ лодокъ была бы для русскихъ весьма чувствительна, въ виду готовившейся переправы. До наводки моста, лодки эти должны были служить главнымъ средствомъ для поддержанія сообщеній съ противоположнымъ берегомъ. Но такъ какъ турки упорствовали въ своей апатіи, вопреки ясно обнаружившемуся намѣренію противника, то послѣдній получилъ возможность приступить къ выполненію второй части своей задачи—погруженію верхней линіи минъ.

Русскимъ, конечно, желательно было бы сначала уничтожить тѣ турецкія суда, которыя находились между Парапаномъ и Никополемъ; но такъ какъ къ этому не представлялось удобнаго случая, а предшествовавшіе опыты доказали, что и на этомъ отдѣлѣ театра войны отъ турецкой флотиліи нечего было ожидать особенной предприимчивости, то они и рѣшились заложить вторую линію минъ у Караби, въ разстояніи около 32-хъ километ. выше Никополя и 72-хъ километ. выше Зимницы—хотя въ отрѣзываемомъ такимъ образомъ пространствѣ находилось три турецкихъ суда.

Такъ какъ паровыя барказы, въ дѣлѣ 20-го числа, порядкомъ пострадали, то ихъ рѣшились побережь, и на этотъ разъ спустили, для погруженія минъ, нѣсколько обыкновенныхъ лодокъ, привезенныхъ въ Карабию сухимъ путемъ. Верхняя минная линія проведена была въ ночь съ 23-го на 24-е число. Турки опять проглядѣли непріятеля; войска ихъ появились лишь тогда, когда все дѣло было уже покончено, и русскія лодки успѣли уйти, не потерпѣвъ никакого вреда.

Обѣ стоявшія у Никополя броненосныя канонерки не принимали въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Одна изъ нихъ, приблизившаяся къ Фламудѣ (вѣроятно, для наблюденія за стоявшими тамъ русскими миноносками), 23-го числа вдругъ развела пары и быстро понеслась внизъ по рѣкѣ. Какое при этомъ имѣлось намѣреніе, неизвѣстно; слѣдуетъ, однако, замѣтить, что канонерка эта снабжена была торпеднымъ шестомъ. Поэтому можно предполагать, что турки, горькимъ опытомъ убѣдившись въ действительности торпедъ, вознамѣрились попытать этотъ родъ атаки противъ русскихъ миноносныхъ лодокъ (хотя, въ такомъ случаѣ, имъ полезно было бы привлечь къ дѣлу и вторую, стоявшую у Никополя, канонерку).

Движеніе непріятельской броненосной канонерки было своевременно замѣчено русскими; стоявшія близъ Фламуды четыре конныя орудія открыли по ней огонь, а изъ находившихся тамъ же пяти русскихъ миноносковъ двѣ, еще не поврежденныя (а именно: *Минеръ* и *Шутка*) мужественно атаковали турецкое судно, не взирая на открытый по нимъ сильный ружейный и картечный огонь. Нападеніе это, опять-таки, не имѣло успѣха; обѣ русскія миноноски получили значительныя поврежденія; но броненосная канонерка, удовольствовавшись такимъ полу-успѣхомъ, опять ушла къ Никополю. Причиною этого отступленія былъ, можетъ статья, мѣткій огонь расположенныхъ на берегу русскихъ орудій. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе можно вывести изъ донесенія (русскаго) объ этомъ дѣлѣ, въ которомъ сказано, что только

первые три выстрѣла съ батарей не попали въ судно; всѣ же прочіе падали на палубу и причиняли сильный вредъ.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ помянутомъ дѣлѣ принимала участіе и береговая турецкая батарея, задача которой, какъ полагать должно, состояла въ отвлеченіи огня русскихъ пушекъ отъ монитора.

24-го числа, вечеромъ, одна изъ канонерокъ опять вышла изъ Никополя и направилась вверхъ по рѣкѣ, съ тѣмъ, можетъ быть, чтобы атаковать русскія лодки, занятыя погруженіемъ верхней ливніи минъ (хотя, въ это время, означенное предпріятіе было уже окончено). Устроенныя противъ Никополя осадныя батареи немедленно открыли огонь противъ появившагося судна и принудили его возвратиться.

Этимъ и завершилась безславная дѣятельность отоманской дунайской флотиліи. За снѣгъ, турецкія суда ограничивались посылкою, время отъ времени, нѣсколькихъ выстрѣловъ противъ батарей дѣваго берега; но подобнымъ канонадамъ нельзя придавать никакого значенія.

Обѣ казематированныя канонерки, стоявшія на якорѣ у Никополя, болѣе уже не трогались съ мѣста. Въ дѣлѣ, разыгравшемся при переправѣ черезъ Дунай, у Систова, онѣ не приняли никакого участія; хотя переправа эта совершалась на лодкахъ и паромяхъ и продолжалась около двѣнадцати часовъ. Между тѣмъ, Систово отстоитъ отъ Никополя лишь на 23 морскія мили; слѣдовательно, канонерки эти, черезъ какіе нибудь 2½ часа послѣ начала переправы, могли появиться на мѣсто боя. Что принудило ихъ къ бездѣятельности? Претерпѣнныя, наванунѣ, поврежденія, или страхъ передъ русскими минами и пушками? Это должно разъясниться въ будущемъ.

Такъ или иначе, но, при подобной обстановкѣ дѣла, русскіе пріобрѣли возможность, въ ночи 27-го (15-го), 28-го (16-го) и 29-го (17-го) чиселъ, перевезти весь собранный въ устьяхъ Алуты матеріаль, мимо никопольскихъ укрѣпленій, къ Зимницѣ, и безпрепятственно приступить къ наводкѣ моста.

Судьба, постигшая канонерку, которая стояла у Систова, намъ въ точности неизвѣстна, говоритъ авторъ: вѣроятно, она была взята или разрушена; обѣ же другія (Ишкодра и Подгорица), оставшіяся въ Никополь, попались, по ваятіи этой крѣпости, въ руки непріятеля, — хотя потопленными и съ испорченными машинами. Русскіе, однако, подняли ихъ изъ воды, а попорченныя части механизмовъ замѣнили новыми. Къ 1-му сентября; суда эти опять были совершенно готовы и получили наименованія «Систово» и «Никополь».

Судно, стоявшее у Рахово, было уничтожено румынами, при занятїи ими названнаго мѣстечка.

Такъ какъ официальныхъ турецкихъ донесеній не имѣется—замѣчать авторъ—то, строго говоря, невозможна и вполне безпристрастная критика поведенія дунайской флотилїи. Могли существовать смягчающія обстоятельства, которыя, до сихъ поръ, еще не сдѣлались извѣстными. Вслѣдствіе сего, и въкоторыя изъ послѣдующихъ заключеній могутъ оказаться невѣрными, будучи основаны на неполныхъ или ложныхъ данныхъ. Вполнѣ вѣрная постановка выводовъ должна быть представлена будущимъ писателемъ; мы же, до поры до времени, должны ограничиваться лишь возможно-безпристрастнымъ обсужденіемъ тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ нашемъ распоряженіи.

Нельзя съ точностію опредѣлить, было ли, съ турецкой стороны, кому нибудь ввѣрено общее распоряженіе всѣми дѣйствїями; скорѣе можно предполагать, что вѣтъ. Отдѣльныя суда, по крайней мѣрѣ на среднемъ участкѣ Дуная, состояли, повидимому, въ распоряженіи комендантовъ тѣхъ крѣпостей, въ районѣ которыхъ они должны были дѣйствовать. Распредѣленіе ихъ по весьма различнымъ стоянкамъ могло быть, до извѣстной степени, основано на томъ соображеніи, что нельзя было заранѣе опредѣлить то мѣсто, на которомъ русскіе предпримутъ переправу, и, кромѣ того, слѣдовало имѣть въ виду, что переправа эта можетъ совершиться на нѣсколькихъ пунктахъ, одновременно. При всемъ томъ, авторъ считаетъ подобное распредѣленіе нецѣлесообразнымъ, такъ какъ имъ существенно затруднялись одновременныя дѣйствїя нѣсколькихъ судовъ вмѣстѣ: между тѣмъ какъ мелкія суда, обыкновенно, только тогда и въ состояніи что нибудь сдѣлать, когда появляются цѣлыми эскадрами; при дѣйствїяхъ въ одиночку, наступательная сила ихъ слаба, и они подвергаются разнымъ опасностямъ, большею частію безъ всякой пользы. Такъ на дѣлѣ и вышло. Оборонительная сила крѣпостей, около которыхъ суда эти стояли, немного возросла отъ ихъ присутствїя; что же касается до развѣдочной и сторожевой службы, то на это можно было употребить суда, принадлежавшія обществу «Идаріе-Нахирэ», равно какъ константинопольскіе мѣстные пароходы (Localdampfer), которые, по быстротѣ своего хода и по неглубокому сидѣнью въ водѣ, были бы особенно пригодны для подобнаго назначенія.

Итакъ, означенное раздробленіе силъ не представляло никакихъ преимуществъ, а, напротивъ, имѣло ту рѣшительную невыгоду, что прямо исключало единство въ управленіи, столь необходимое, если хотятъ достигнуть какого-либо успѣха; флотилїю же—въ смыслѣ одного

цѣлаго—обрекало на бездѣтельность. И точно: какого-нибудь зрѣло-обдуманнаго предначертанія, для общихъ, энергическихъ дѣйствій, нельзя отыскать и слѣдовъ какъ на нижнемъ, такъ и на среднемъ участкахъ Дуная. Одиночныя суда появляются то здѣсь, то тамъ, терпятъ поврежденія и, даже, погибають, не достигая какого бы то ни было успѣха. Здѣсь турки постоянно довольствовались одними полумѣрами, которыя, обыкновенно, влекутъ за собою весьма дурные результаты. Тотъ недостатокъ инициативы, та апатія, которыми, въ первый періодъ кампаніи, отличалась армія Абдуль-Керима-паши, отразились, въ высшей степени, и на предпріятіяхъ флота.

Можно допустить, что дѣйствія на нижнемъ Дунаѣ были парализованы тою совершенно чуждою флегматическимъ туркамъ быстротою, съ которою ихъ противники дѣйствовали при погруженіи минъ. Но для дѣйствій на среднемъ участкѣ Дуная подобное извиненіе неумѣстно; тамъ погруженіе минъ совершилось лишь по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ объявленія войны, и потому турки имѣли достаточно времени на то, чтобы, сообразно пріобрѣтеннымъ опытамъ, принять мѣры для притиводѣйствія непріятелю. Помимо того, занятіе Добруджи одною русскою дивизіею далеко не имѣло той важности, какъ вступленіе въ Болгарію главной арміи; слѣдовало, значить, ожидать, что на этомъ театрѣ войны турки проявятъ болѣе жизни и энергіи и постараются, по крайней мѣрѣ на среднемъ Дунаѣ, воспользоваться какъ должно своею флотиліею, представлявшею здѣсь ихъ первую боевую линію.

Принявъ во вниманіе, что турки, въ теченіе столькихъ лѣтъ занимавшіе Валахію, конечно, имѣли тамъ сношенія съ разными личностями, доступными подкупу, трудно себѣ представить, чтобы громадныя заготовки мостоваго матеріала въ устьяхъ Алуты, равно какъ перевозка миноносокъ, передвиженія войскъ и проч., оставались для нихъ, до послѣдней минуты, неизвѣстными.

Уже во второй половинѣ іюня можно было съ нѣкоторою вѣроятностію предугадывать если не самый пунктъ переправы, то, по крайней мѣрѣ, тотъ участокъ рѣки, на которомъ ее намѣревались совершить. На этомъ-то участкѣ слѣдовало сосредоточить всю флотилію; а если дѣйствительно хотѣли воспрепятствовать наводѣю моста, то проще всего было бы блокировать устье Алуты своими судами.

Отсутствіе всякихъ подобныхъ распоряженій можетъ навести даже на такую мысль (какъ ни противорѣчить она благоразумнымъ соображеніямъ), что турки вовсе не имѣли намѣренія воспрепятствовать переправѣ, но хотѣли скорѣе привести дѣло къ рѣшительному столкнове-

нію на болгарскомъ театрѣ войны. Но если дѣйствительно это имѣлось въ виду, то тѣмъ болѣе слѣдовало стараться воспользоваться своею флотиліею, для возможнаго ослабленія непріятельскихъ силъ, во время самой переправы, а затѣмъ для воспрепятствованія доставки имъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, подрѣзанныхъ и проч.

Во всякомъ случаѣ, обстоятельства этому благопріятствовали, такъ какъ переправа первыхъ русскихъ отрядовъ, на судахъ и паромахъ, послѣдовала 27-го (15-го) іюня, а мосты, по которымъ должны были проходить остальные войска, едва успѣли въ первыхъ числахъ іюля (н. с.).

Такъ какъ не только никакого противодѣйствія переправѣ со стороны турецкой флотиліи не было оказано, но турки даже не подумали о томъ, чтобы своевременно увести суда, стоявшія между Систовомъ и Никополемъ и подвергавшіяся опасности быть отрѣзанными и захваченными непріятелемъ, то авторъ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что турки дѣйствовали безъ всякаго руководящаго плана, безъ всякой опредѣленной цѣли, и съ истинно восточнымъ фатализмомъ предоставляли событія ихъ собственному теченію. Этимъ же, скорѣе всего, можно объяснить себѣ и то совершенно непонятное явленіе, что и въ послѣдствіи не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ разрушенію мостовъ: между тѣмъ подобная попытка, если бы она удалась, на примѣръ послѣ первыхъ столкновеній подъ Плевною, могла имѣть для русскихъ самыя вредныя послѣдствія.

Положимъ—говорить авторъ—что, въ это время, такія попытки встрѣтились бы съ различными затрудненіями, такъ какъ отъ верховьевъ рѣки мостъ былъ прикрытъ миною линіею у Карабинъ и батареемъ Никополя, Систова и Зимницы, отъ низовьевъ же—миною линіею у Парапана и что между обѣими линіями этими, кромѣ того, находилось десять русскихъ миноносковъ—тѣмъ не менѣе, успѣхъ подобной попытки, при должной энергіи въ дѣйствіяхъ, нельзя считать немислимымъ; въ виду же важныхъ преимуществъ, которыя этимъ пріобрѣтали турки, они, во что бы то ни стало, должны были на нее рѣшиться (конечно—съ должною, заблаговременною подготовкою).

Запертымъ въ Мачинскомъ рукавѣ турецкимъ судамъ удалось же, вопреки подводнымъ минамъ, уйти въ Силистрію; не могли, значить, представить непреодолимаго препятствія и тѣ мины, которыя заложены были у Парапана и Карабинъ, потому что тѣ же средства, которыя, въ первомъ случаѣ, употреблены были для устраненія минъ, могли быть примѣнены и здѣсь.

Между Видинномъ и Силластріею, у турокъ разбросано было еще,

по крайней мѣрѣ, двѣнадцать военныхъ судовъ, подходящихъ для этого дѣла; ихъ слѣдовало бы соединить для общей атаки и вообще употребить все имѣвшіяся въ распоряженіи средства для того, чтобы какъ можно долѣе отрѣзывать русскимъ сообщеніе съ Валахією.

Такъ какъ первыя два неудачныя нападенія на Плевну значительно ослабили силы русскихъ и они могли бы быть поставлены въ затруднительное положеніе, если бы турецкія войска одновременно со всѣхъ сторонъ перешли въ энергическое наступленіе. За такой успѣхъ не дорого бы было заплатить и всюю флотилією, которая, безъ того уже, совершенно даромъ потеряла пять своихъ кораблей и, какъ можно было предвидѣть, такимъ же образомъ растеряетъ и все остальное. По крайней мѣрѣ, военная честь была бы спасена.

Все поведеніе турокъ, однако, явно показываетъ, что высшее начальство ихъ лишено было всякаго понятія относительно правильного употребленія флота, и что турки вовсе неспособны на такія военные предпріятія, при которыхъ требуется болѣе нежели одна личная храбрость.

Армія своимъ сопротивленіемъ, по крайней мѣрѣ, доказала міру, что она еще обладаетъ извѣстною жизненною силою; флотилія же явилась окончательно омертвѣлымъ членомъ въ тѣлѣ большаго человѣка. Пренебреженіе самыми первобытными мѣрами предосторожности, поведшее къ потерѣ двухъ кораблей, — тотъ фактъ, что русскимъ трижды удавалось безпрепятственно овладѣвать даже флагами съ потопленныхъ судовъ, тѣ случаи, наконецъ, при которыхъ капитаны судовъ прекращали бой, не воспользовавшись одержанными ими успѣхами, — все это представляетъ печальное свидѣтельство о духѣ, господствовавшемъ на турецкихъ корабляхъ, и даетъ, какъ кажется, право предполагать, что начальники ихъ, вообще, не соответствовали вовсе своему назначенію.

Впрочемъ, какъ бы велика ни была неспособность личного состава служащихъ, несправедливо приписывать исключительно имъ вину всей неудачи; по нашему мнѣнію — замѣчаетъ авторъ — главная часть вины падаетъ на правительство, которое, по своей нерѣшительности, пропустило удобный для дѣйствія моментъ; особенно же виновно главное морское управленіе, которое, повидимому, не только не озаботилось изобильнымъ снабженіемъ кораблей боевыми запасами и зажигательными матеріалами, но и совершило грубую ошибку, обративъ вѣкоторое вниманіе на дѣйствіе торпедами и минами лишь тогда, когда было уже слишкомъ поздно.

Уже со времени американской междуособной войны подводныя мины

и торпеды являются такими факторами, съ которыми при каждой войнѣ приходится считаться, — если только обстоятельства хоть нѣсколько способствуютъ ихъ примѣненію къ дѣлу. Что турецкое морское вѣдомство не занялось этимъ вопросомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и вовсе не помышляло о противодѣйствующихъ винамъ средствахъ—это было съ его стороны тѣмъ болѣе преступною небрежностію, что оно хорошо должно было знать, какъ именно въ Россіи, уже со времени крымской войны, непрерывно и съ особеннымъ вниманіемъ занимались этимъ дѣломъ. Русскіе моряки, благодаря ежегоднымъ и многостороннимъ упражненіямъ, приобрѣли большой навыкъ въ обращеніи съ торпедами, въ управленіи назначаемыми для сего судами и въ закладкѣ подводныхъ мннъ. Что со стороны русскихъ будетъ сдѣлано возможно широкое употребленіе этого современнаго военнаго средства, — это предвидѣть можно было тѣмъ съ большею увѣренностію, что имъ и не оставалось другаго средства для того, чтобы не подпускать къ себѣ могущественнаго турецкаго флота.

Что касается нападательныхъ торпедъ (*Agressiv-Torpedos*), то надо согласиться, что, при настоящей степени ихъ устройства, нельзя еще, дѣйствуя ими, рассчитывать на вѣрный успѣхъ; нападающему онѣ почти столь же опасны, какъ и атакованному. Не слѣдуетъ однако забывать, что за то, въ случаѣ успѣха, дѣйствіе ихъ такъ громадно, что наврядъ ли его выдержать какой либо изъ существующихъ броненосцевъ; къ этому надо прибавить еще и нравственное впечатлѣніе, производимое потопленіемъ корабля на остальной флотъ. Поэтому, отважный и предприимчивый противникъ, обладающій такимъ оружіемъ, не убоится рискнуть небольшимъ паровымъ барказомъ и нѣсколькими матросами, если это представляетъ возможность однимъ ударомъ нанести непріятелю столь чувствительную потерю.

Успѣхъ, конечно, главнымъ образомъ зависитъ отъ неосторожности и безопасности противной стороны. Если турки не предполагали въ русскихъ этихъ недостатковъ, и, можетъ быть, по этой причинѣ сочли за лучшее отказаться отъ употребленія нападательныхъ торпедъ, то они сами и должны бы были позаботиться о возможномъ затрудненіи подобныхъ дѣйствій со стороны противника, усугубивъ свою бдительность и употребивъ въ дѣло всѣ извѣстныя доселѣ предохранительныя средства, какъ-то: барикады, проволочныя сѣти (*) и т. п.

(*) На англійскихъ корабляхъ, для защиты противъ нападательныхъ торпедъ, употребляется такъ называемая крянолинъ капитана Зянгера; онъ состоитъ изъ платной проволочной сѣти, являющей пять футовъ вышины; сѣть эта укрѣпляется на подвижныхъ шестахъ, вложенныхъ въ пазы бортовой стѣнки, и виситъ во-

Самымъ опаснымъ врагомъ для турецкихъ кораблей, безспорно, были подводныя мины.

Русскіе, еще передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, собрали значительные запасы такихъ минъ на различныхъ пунктахъ лѣваго дунайскаго берега, дабы имѣть возможность, немедленно по объявленіи войны, погрузить ихъ въ воду. Это не было тайною ни для кого, а слѣдовательно и для турокъ. Поэтому, если они хотѣли обезпечить себѣ возможность непрерывной дѣятельности и господства на Дунаѣ, то имъ безусловно необходимо было, уже заблаговременно и въ изобиліи заготовить всѣми средствами для устраниенія подводныхъ минъ.

Никакъ нельзя предполагать, что объявленіе войны явилось для турокъ неожиданностію; слѣдовательно, и времени для того, чтобы приготовиться, было у нихъ достаточно; что касается денегъ, то и онѣ, при нѣсколько большей энергіи со стороны высшаго начальства, тоже нашлись бы, тѣмъ легче, что ихъ потребовалось не очень много; для специалистовъ, знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами, не трудно было бы придумать средства противодѣйствія по возможности простыя, а потому и не дорогія; матеріаль же для этихъ средствъ, вѣроятно, нашелся бы въ разныхъ крѣпостяхъ по Дунаю.

Уничтоженіе минъ въ рѣкѣ, пока—какъ то было у турокъ—обладая однимъ изъ береговъ и знаешь мѣсто, гдѣ мины погружены, сопряжено съ гораздо меньшими трудностями, нежели такая же операція въ водѣ, не имѣющей теченія. Для этого можетъ быть употреблена въ дѣло любая баржа или, даже, обыкновенный, бревенчатый плотъ. Доведя такое судно до сидѣнья въ водѣ на потребной глубинѣ, слѣдуетъ прибуксировать его поближе къ мѣсту заложения минъ и, затѣмъ, пустить по теченію. Если мины ударныя, то онѣ разрываются при столкновеніи съ баржею или плотомъ; у минъ же, взрываемыхъ посредствомъ электрическаго тока, можно обрывать проволочные приводы посредствомъ небольшихъ якорей, которые спущенное судно тащатъ за собою.

Турки имѣли въ своемъ распоряженіи сотни ластовыхъ и парусныхъ судовъ, которыя могли быть употреблены для подобныхъ дѣйствій. Такъ какъ мѣста, гдѣ русскіе будутъ закладывать свои мины, нельзя было знать напередъ, то суда эти слѣдовало распредѣлить по

кругъ корабля, въ разстояніи отъ него футовъ на 30. Длина этихъ шестовъ не одинакова: между каждыми двумя, болѣе короткими, находится одинъ подвѣшенный съ прикрѣпленнымъ на его концѣ торпедомъ. Аппаратъ этотъ можетъ быть придѣланъ къ кораблю въ нѣсколько часовъ: онъ не затрудняетъ плаванія, потому что приспособленъ къ подъему, и только въ минуту надобности опускается въ воду, на потребную глубину.

всѣмъ, болѣе значительнымъ пунктамъ праваго берега, дабы имѣть возможность немедленно разрушать, закладываемыя по близости, минныя линіи. Съ пользою можно бы было употребить контръ-мины, спускаемыя по теченію (1); особенно для разрушенія мостовъ.

Дѣло представляется болѣе сложнымъ, когда надо устранять мины, къ которымъ можно приблизиться не иначе, какъ плавая противъ теченія; однако и для этого въ новѣйшее время придуманы различныя средства, какъ, напримѣръ, электро-автоматическія лодки (2), служащія буксиромъ для контръ-минъ; таушлинги (Tauschlingen) (3), которыя перебрасываются черевъ минную линію противника и затѣмъ притягиваются назадъ, и проч.

Проще всего было бы снабдить суда торпедными приборами (4),

(1) Контръ-мины, употребляемыя для устраненія минъ, запирающихъ входъ въ рѣку или въ гавань, обыкновенно привѣшиваются къ боченкамъ или къ поплавкамъ. Для направленія ихъ къ желаемому мѣсту пользуются теченіемъ или попутнымъ вѣтромъ. Контръ-мина должна имѣть связь съ электрическою батареею, помѣщеною на берегу или въ лодкѣ. Когда контръ-мина приплываетъ къ назначенному мѣсту, то электрическимъ токомъ воспламеняютъ помѣщенное въ поплавокъ или въ боченкѣ небольшое количество взрывчататаго состава; мина, лишняя поддержки, падаетъ на дно и, вслѣдствіе этого, разрывается.

Расчитываютъ, что контръ-мина, наполненная 200 фунтовъ сжатаго, взрывчататаго хлопка (Schuessbaumwolle), можетъ разрушить всѣ мины, лежащія около нея, на окружности въ 700 футовъ діаметра.

Такъ какъ можно любое количество такихъ контръ-минъ взорвать одновременно, то не представлялось бы особеннаго труда — однимъ ударомъ разрушить весь непріятельскій мостъ или всю его минную линію.

(2) Лодки эти, имѣющія весьма малый размѣръ, приводятся въ движеніе и направляются особеннымъ механизмомъ. Направленіе имъ даютъ такое, что онѣ, двигаясь противъ теченія, описываютъ дугу вдоль линіи непріятельскихъ минъ; дѣйствіе же ихъ состоитъ въ томъ, что, при пересѣченіи минной зоны, правѣшенная къ задней части лодки контръ-мина, снабженная особымъ зажигаемымъ приборомъ, опускается на дно и, черезъ извѣстное время, взрывается.

Самая же лодка, между тѣмъ, опять возвращается къ пункту ея отправленія, съ которымъ состоитъ въ электрической связи и откуда движеніе ея направляется.

(3) Этотъ аппаратъ, изобрѣтенный полковникомъ сѣверо-американской службѣ Шодлемъ и неоднократно употреблявшійся въ американской междоусобной войнѣ, недавно еще, и съ успѣхомъ, испробованъ былъ противъ морскихъ минъ, въ Мерсѣ (Mersey). Онъ состоитъ изъ двухъ мортирокъ, калибра 14 центиметровъ, которыя посредствомъ заряда, вѣсомъ въ 4,54 килограмм., одновременно выбраываютъ два снаряда. Каждый снарядъ влечетъ за собою приводъ въ 183 метра длины; оба привода соединены между собою поперечнымъ приводомъ, длиною въ 46 метровъ, на которомъ привѣшены маленькіе якоря. Одновременность выстрѣла достигается посредствомъ электричества.

(4) Аппаратъ этотъ состоитъ изъ бревенъ и шестовъ; онъ придымывается къ носовой части судна, въ разстояніи отъ нея, приблизительно, на 30 футовъ; онъ опускается въ воду на требуемую глубину, и снабженъ поплавкомъ или прово-

подобными тѣмъ, какіе съ успѣхомъ употреблялись американцами. Слѣдовало бы приспособить ихъ, но крайней мѣрѣ, къ нѣсколькимъ парходамъ общества «Идаріе-Нахирэ».

Подобное судно, съ экипажемъ изъ нѣсколькихъ отважныхъ молодцовъ (для большой безопасности снабженныхъ плавательными поясами), двигаясь передъ судами, можетъ очищать для нихъ дорогу; если, при этомъ, нѣсколько парходовъ и погибнетъ, то бѣда еще не очень велика.

Чтобы ни писали англійскіе корреспонденты о лазистанскихъ водазахъ и ихъ подвигахъ по части вылавливанія минъ, вѣрно только то, что на Дунаѣ ничего не было сдѣлано, и что, вообще, турки тогда только стали думать объ устраненіи минъ, когда русскіе давно уже переправились черезъ рѣку у Гечета и Систова; но и тутъ они дѣйствовали вяло, потому что, по крайней мѣрѣ, на сколько намъ извѣстно, не сдѣлано было съ ихъ стороны ни одной попытки къ устраненію минъ, заложенныхъ у Парапана и Караби.

Основываясь на всемъ вышесказанномъ, говоритъ авторъ, мы полагаемъ, что не ошибемся, если укажемъ на эту набережность, какъ на главную причину полнѣйшей неудачи всѣхъ дѣйствій дунайской флотиліи. Огонь русскихъ батарей турецкія суда выдерживали бы, вѣроятно, столь же мужественно, какъ и сухопутное войско; но противъ коварныхъ минъ, о которыхъ даже большинство офицеровъ едва ли имѣло какое нибудь ясное понятіе, турки чувствовали себя вполне безоружными, и потому совершенно терали голову. При такомъ положеніи дѣлъ, русскимъ, не смотря на ограниченность ихъ средствъ, конечно, должно было удался парализовать всѣ дѣйствія турецкой флотиліи и, въ самое короткое время, утвердиться на Дунаѣ; но великою ошибкою было бы выводить изъ этого заключеніе, что суда ничего не могутъ сдѣлать противъ торпедъ и минъ, и что потому, на будущее время, безъ нихъ можно обходиться при защитѣ рѣкъ, при предпріятіяхъ противъ приморскихъ пунктовъ и тому подобныхъ дѣйствіяхъ.

Правда, что вслѣдствіе введенія этихъ разрушительныхъ средствъ, которыя тѣмъ опаснѣе, что присутствія ихъ, часто, вовсе не подозрѣваютъ, задача флота значительно затрудняется; но затрудненія эти вовсе не непобѣдимы; они требуютъ только отъ экипажей судовъ болѣе осмотрительности и бдительности.

Въ кружкахъ специалистовъ ожидали, что нынѣшняя война дастъ лочною сѣбью, за которые мины зацѣпляются; при этомъ взрывъ ихъ, происходя на такомъ разстояніи отъ судна, не причиняетъ ему значительнаго вреда.

возможность собрать многочисленные опыты относительно практических достоинствъ этихъ новыхъ военныхъ средствъ и цѣлесообразности принимаемыхъ противъ нихъ охранительныхъ мѣръ. Ожиданія эти исполнились только отчасти, такъ какъ турки, въ этомъ отношеніи, оказались вполнѣ неспособными противниками; но, тѣмъ не менѣе, изъ совершившихся опытовъ истекаютъ нѣкоторыя полезныя поученія для будущаго времени: прежде всего, то, что недостаточно вооружать суда нападательными торпедами, но что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ озаботиться снабженіемъ ихъ предохранительными приспособленіями, равно какъ аппаратами для устранения минъ; для того же, чтобы ознакомить матросовъ съ этими приспособленіями и аппаратами, таковые должны быть употребляемы и въ мирное время, какъ то дѣлается на англійскихъ военныхъ судахъ.

Что касается дѣйствій торпедами, прикрѣпленными къ шестамъ, то мы видѣли, что вопреки неспособности противника, только одно изъ всѣхъ нападений вполнѣ удалось, да и то благодаря лишь безобразной небрежности турокъ.

Если бы турецкія суда, подобно англійскимъ, снабжены были электрическими освѣтительными аппаратами и вооружены пушками-револьверами, выпускающими въ одну минуту 500 стальныхъ снарядовъ въ 25 миллиметровъ поперечника, которые на разстояніи около двухъ квадратныхъ миль пробиваютъ еще желѣзную доску въ 10 миллиметровъ толщины, то всѣ ночныя предпріятія русскихъ навѣрное окончились бы весьма печальнымъ образомъ. Дневныя же нападения и безъ того были безуспѣшны. Изъ этого слѣдуетъ, что торпеды, прикрѣпленные къ шестамъ, особенно же тѣ, которые воспламеняются посредствомъ электричества, вовсе не столь опасны, какъ предполагалось; нѣтъ сомнѣнія, что и подводныя мины оказались бы менѣе дѣйствительными, если бы турки вовсе не упустили изъ вида пріятія своевременныхъ мѣръ для ихъ устраненія.

Въ заключеніе, авторъ, въ общихъ чертахъ, излагаетъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы дѣйствовать турецкому флоту (предполагая не только достаточное снабженіе его охранительными средствами отъ торпедъ и минъ, но и то, что по всему Дунаю, на соответствующихъ пунктахъ, собраны достаточные запасы угля, машинныхъ принадлежностей, снарядовъ и проч., и сдѣланы должныя приготовленія, для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, можно было исправить незначительныя поврежденія въ судахъ).

Первая задача турецкаго флота должна была состоять въ томъ,

чтобы въ самый же день объявленія войны явиться въ достаточныхъ силахъ передъ тѣми пунктами лѣваго дунайскаго побережья, которые русскими еще вовсе не могли быть заняты, или были заняты слабо, и уничтожить всѣ сдѣланныя тамъ заготовленія.

При открытіи военныхъ дѣйствій, изъ 20-ти броненосцевъ турецкаго флота пять, повидимому, еще не были окончены, а два, по неизвѣстнымъ причинамъ, еще не вооружены; затѣмъ, семь броненосцевъ назначено было для дѣйствій у азіатскихъ береговъ Чернаго моря и наблюденія за Средиземнымъ моремъ; слѣдовательно, для употребленія у европейскихъ береговъ Чернаго моря оставалось лишь шесть броненосныхъ кораблей. Но такъ какъ содѣйствіе сухопутнымъ войскамъ на кавказскомъ берегу не имѣло особенной важности, да и дѣйствительно осталось безъ ощутительно-выгодныхъ результатовъ; съ другой же стороны, появленіе русскаго балтійскаго флота въ Архипелагѣ, или же возстаніе на островѣ Критѣ, при началѣ войны, казалось невѣроятнымъ, то можно бы было, въ первые дни по объявленіи войны, въ случаѣ надобности собрать у низовьевъ Дуная, по сосѣдству отъ важнѣйшей части театра военныхъ дѣйствій, всѣ 13 броненосцевъ, хотя бы на короткое время.

Къ этому можно было присоединить еще семь броненосныхъ судовъ дунайской флотиліи, безъ которыхъ, при началѣ враждебныхъ дѣйствій, на среднемъ участкѣ Дуная (для наблюденія за коимъ, на первый случай, вполне было достаточно остальныхъ судовъ), можно было обойтись.

Такимъ образомъ, турки могли бы располагать 20-ю броненосцами, на которыхъ находилось не мѣнѣе 144-хъ орудій, болышею частью крупнаго калибра. Предполагая даже, что вышеупомянутыя русскія батареи были уже вооружены, то и тогда пушки ихъ, вѣроятно, скоро должны бы были замолкнуть, потому что онѣ были почти безсильны противъ брони въ 8, 9, а, мѣстами, даже 12 дюймовъ толщиною.

Подъ покровительствомъ флота, турки могли (если даже и не имѣли намѣренія занимать вышеупомянутыхъ пунктовъ лѣваго берега), предпринять высадку, срыть возведенныя укрѣпленія и уничтожить все, что могло быть пригоднымъ для русскихъ, при ихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Дабы по возможности затруднить непріятельскимъ войскамъ вступленіе въ Валахію, слѣдовало бы одновременно взорвать находящіяся у Барбоша желѣзнодорожный и обыкновенный мосты черезъ р. Сереть; предпріятіе это могло бы быть исполнено судами дунайской флотиліи, которымъ, при необычайно высокомъ уровнѣ воды, конечно, возможно

было войти въ Сереть; а если бы это оказалось невозможнымъ, то могли быть употреблены въ дѣло обыкновенныя лодки.

Одновременно съ такими дѣйствіями броненосцевъ на нижнемъ Дунаѣ, деревянныя суда флотиліи должны бы были предпринимать подобныя же набѣги на все лѣвое побережье, отъ Калафата до Силистріи, забирать всѣ находившіяся тамъ суда и лодки и увозить ихъ къ правому берегу. Серьезнаго противодѣйствія со стороны русскихъ, въ это время, еще нельзя было ожидать.

Такъ называемыя кирлаши (парусныя суда въ 100—250 тоннъ) принесли бы, вполнѣдствіи, большую пользу; наполненныя камнями или землею, они могли бы быть спускаемы внизъ по теченію и употребляемы въ видѣ брандеровъ, или для устраненія минъ.

Послѣ того какъ удалось бы взорвать Барбопскій мостъ, всѣмъ броненосцамъ рѣчной флотиліи слѣдовало возвратиться на средней участокъ Дуная, чтобы дѣйствовать уже исключительно тамъ и, притомъ, подъ общимъ начальствомъ одного изъ болѣе способныхъ старшихъ офицеровъ. Задача ихъ состояла бы въ томъ, чтобы, вмѣстѣ съ гарнизонами крѣпостей и отрядами полевыхъ войскъ, занимавшихъ правый берегъ, наблюдать за противникомъ и энергически противодѣйствовать всякой его попыткѣ снова возводить батареи на лѣвомъ берегу. Та же задача, на пространствѣ отъ Силистріи до Сулины, предлежала кораблямъ морскаго флота. Затѣмъ, для поддержки броненосцевъ, при подобныхъ предпріятіяхъ, полезно бы было придавать имъ канонерскія лодки, вооруженныя мортирами и тяжелыми орудіями.

Такъ какъ на судахъ собственно дунайской флотиліи не было тяжелыхъ орудій, то подобныя канонерскія лодки (назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы съ дальнихъ разстояній и съ возможно-закрытыхъ позицій осыпать неприятельскій объектъ бомбами и крупными снарядами) принесли бы, на среднемъ участкѣ Дуная, особенную пользу; съ выгодною можно бы было ихъ употреблять и на низовьяхъ рѣки, преимущественно въ тѣхъ изъ ея рукавовъ, куда большіе броненосцы не могли проникать, потому что слишкомъ глубоко сидѣли въ водѣ.

Для своевременнаго извѣщенія судовъ о всѣхъ движеніяхъ непріятеля, равно какъ и для обезпеченія согласія въ дѣйствіяхъ сухопутныхъ войскъ и флотиліи, слѣдовало, на всѣхъ удобныхъ пунктахъ, устроить наблюдательныя посты, которые должны были бы поддерживать связь, съ одной стороны, съ находившимися на правомъ берегу телеграфными станціями, а съ другой—посредствомъ сигналовъ съ судами.

Если принять во вниманіе, что при этомъ (какъ уже замѣчено

было выше) для развѣдочной службы имѣлись многочисленныя пароходы и, вѣроятно, лауэтки, то едва ли можно допустить, чтобы турки долгое время могли оставаться въ невѣдѣніи о непріятельскихъ передвиженіяхъ на какомъ бы то ни было мѣстѣ около Дуная.

Подобный, энергическій образъ дѣйствій неизбежно повелъ бы къ значительнымъ замедленіямъ въ операціяхъ русской арміи, которыми (замедленіями) турки могли воспользоваться какъ для усовершенствованія въ организаціи собственныхъ войскъ, такъ и для проложенія новыхъ дорогъ въ Болгаріи, доставляющихъ возможность изъ мѣстъ сосредоточенія войскъ какъ можно быстрѣ поспѣвать на любой угрожаемый пунктъ праваго берега, въ болѣе значительныхъ силахъ.

Всякая попытка непріятеля, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ преградить Дунай минами, должна была быть парализуема съ самаго начала; если бы это оказывалось невозможнымъ, то слѣдовало немедленно принимать мѣры для обезвреживанія минъ и, вообще, употреблять всѣ усилія для того, чтобы сколь можно долѣе сохранить за собою господство на Дунаѣ.

Болѣе благоприятной оборонительной линіи, съ господствующимъ на ней собственнымъ флотомъ, турки и пожелать себѣ не могли. Что они понимали это, доказывается многочисленными крѣпостями праваго берега, равно какъ и содержаніемъ дорогого стоимей дунайской флотиліи. Если же они, тѣмъ не менѣе, въ рѣшительную минуту пренебрегли этими выгодами и не оказали энергическаго сопротивленія, то это слѣдуетъ приписать только жалкимъ распоряженіямъ пашей, при которыхъ невозможенъ никакой раціональный образъ дѣйствій.

Основываясь на всемъ вышесказанномъ, такъ заключаетъ авторъ, мы полагаемъ доказаннымъ, что турецкая флотилія, если бы сумѣла ее правильно употреблять, конечно, имѣла возможность оказать немаловажное вліяніе на ходъ военныхъ событій.

И. О.